

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ПОЛА ХОКИНС

В ТИХОМ
ОМУТЕ

от автора бестселлера «ДЕВУШКА В ПОЕЗДЕ»

Annotation

Новый роман от автора мирового бестселлера «Девушка в поезде»!

Не так давно Нел оставила своей сестре Джулс странное сообщение, но та не ответила. Теперь Нел мертва, а Джулс вынуждена приехать в родной городок, чтобы забрать осиротевшую племянницу. Она возвращается в то место, где прошла ее юность – юность, о которой хотела бы забыть навсегда.

Ее преследуют воспоминания о том, что произошло много лет назад. Ее пугает уверенность в том, что сестра не покончила с собой, а была убита. Но сильнее всего она опасается заводи, прозванной Смертельной, – заводи, в чьих обманчиво спокойных водах погибло слишком много женщин. И возможно, она боится не зря... Кто знает, что кроется в тихом омуте?

Пола Хокинс

В тихом омуте

* * *

Посвящается всем возмутителям спокойствия

Я открылась миру слишком юной.

*Одни вещи стоит отпустить,
Другие – нет,
Вопрос в том, как их различить.*

Эмили Берри. Игра чисел

Теперь мы знаем, что воспоминания не хранятся в мозге в фиксированном или замороженном виде, как продукты в холодильнике, а видоизменяются, рассыпаются на фрагменты, снова воссоздаются из них и по-новому классифицируются при каждом акте припоминания.

Оливер Сакс. Галлюцинации^[1]

Смертельная заводь

Либби

– Еще! Еще раз!

Мужчины опять связывают ее. На этот раз иначе: левую руку привязывают за большой палец к правой стопе, а правую руку – к левой. Вокруг талии затягивают веревку. И тащат в воду.

– Пожалуйста... – молит она, потому что не уверена в том, что ей удастся пережить тьму и холод.

Она хочет вернуться в свой дом, которого больше нет, в те времена, когда они с тетей сидели у очага и рассказывали друг другу разные истории. Она хочет оказаться в своей постели, хочет снова стать маленькой и вдыхать запах дыма, цветов и родного тепла своей тети.

– Пожалуйста.

Она тонет. Когда ее вытаскивают во второй раз, у нее губы синего цвета, и

она больше не дышит.

Джулс Эбботт

Ты хотела мне что-то рассказать, верно? Что именно? У меня такое чувство, будто я давно перестала слушать, отвлеклась и, задумавшись о чем-то другом, постороннем, совершенно утратила нить разговора. Но теперь я вся внимание. Хотя никак не могу избавиться от мысли, что пропустила что-то очень важное.

Когда ко мне пришли, я разозлилась, но сначала почувствовала облегчение... Если вы заняты поиском билета на поезд, торопясь успеть на работу, а на пороге вашего дома появляются два сотрудника полиции, вы думаете, что произошло нечто ужасное. Я испугалась за людей, которые мне дороги: за своих друзей, за бывшего мужа, за сослуживцев. Но полицейские объяснили, что речь не о них, а о тебе. Вот почему в первый момент я испытала облегчение, а потом узнала, что случилось и что ты сделала. Они сообщили, что тебя нашли в воде, и меня охватила злость. Злость и страх.

Я подумала о том, что скажу тебе, когда доберусь до места. Что знаю, почему ты так поступила – чтобы расстроить и напугать меня, отравить мне жизнь. Чтобы привлечь мое внимание и заставить вернуться туда, куда нужно тебе. Что ж, Нел, у тебя получилось. Я приехала в город, возвращаться в который не собиралась, и мне предстоит позаботиться о твоей дочери и разобраться в оставленном тобою бардаке.

Понедельник, 10 августа

Джош Уиттакер

Что-то меня разбудило. Я слез с кровати, чтобы сходить в туалет, и, заметив, что дверь в спальню родителей открыта, заглянул и увидел, что мамы в кровати нет. Папа, как обычно, храпел. Часы показывали 4.08. Я решил, что она, наверное, внизу. Мама страдала бессонницей. Вообще-то проблемы со сном были у обоих родителей, но папа принимает такие сильные таблетки, что можно стоять у кровати и кричать ему в ухо, а он все равно не проснется.

Я тихо спустился, потому что мама часто включает телевизор и смотрит скучные рекламные ролики о разных устройствах, которые помогают похудеть, вымыть пол, нарезать овощи или еще что-нибудь, и снова засыпает. Но телевизор не работал, на диване ее тоже не оказалось, поэтому я понял: она куда-то ушла.

Такое бывало и раньше, о нескольких случаях я знал точно. Не могу же я всегда быть в курсе, где кто находится. В первый раз она объяснила, что просто вышла подышать свежим воздухом, но в другой день, когда я проснулся, а ее не было дома, я выглянул в окно и увидел, что ее машины нет на обычном месте.

Я думаю, что она, наверное, ездит к реке или на могилу Кэти. Я тоже иногда так делаю, хотя и не среди ночи.

Я бы побоялся бродить в темноте, к тому же мне точно было бы не по себе, ведь именно так и поступила Кэти: она встала ночью, пошла на реку и больше не вернулась. Но я понимаю, почему мама это делает: у реки она чувствует себя ближе к Кэти, если не считать

ее комнаты – я знаю, что иногда мама заходит в нее. Комната Кэти находится рядом с моей, и я слышу, как мама там плачет.

Я сел на диван, собираясь подождать ее, и, наверное, заснул, потому что, когда меня разбудил звук открывающейся входной двери, было уже светло, а часы на камине показывали четверть восьмого. Я слышал, как мама, закрыв за собой дверь, быстро поднялась по лестнице.

Я направился за ней. Остановившись у спальни родителей, я посмотрел в щелку. Мама стояла на коленях возле кровати со стороны папы, вся красная, будто долго бежала, расталкивала его и с надрывом говорила:

– Алек, проснись. Проснись! Нел Эбботт мертва! Ее нашли в воде. Она прыгнула с обрыва.

Мне кажется, я молчал, но, видимо, издал какой-то звук, потому что мама посмотрела в мою сторону и, заметив меня, вскочила.

– Господи, Джош! – воскликнула она, подходя ко мне. – О, Джош!

По ее лицу текли слезы. Она крепко обняла меня. Когда я выбрался из объятий, она все еще плакала, но на ее лице была улыбка.

– Дорогой ты мой, – сказала она.

Папа сел в кровати, потирая глаза. Чтобы окончательно проснуться, ему надо много времени.

– Я не понимаю. Когда... ты хочешь сказать прошлой ночью? Откуда ты знаешь?

– Я вышла купить молока, – объяснила она. – И все об этом говорили... в магазине. Ее нашли сегодня утром.

Она села на кровать и снова начала плакать. Папа обнял ее и посмотрел на меня – взгляд у него был странный.

– А куда ты ходила? – спросил я.

– В магазин, Джош. Я же сказала.

Мне хотелось возразить. Ее не было несколько часов, и выходила она точно не за молоком. Но я промолчал, потому что родители сидели на кровати, смотрели друг на друга и казались счастливыми.

Вторник, 11 августа

Джулс

Я все помню. Гора подушек на заднем сиденье фургона – граница, разделяющая наши территории. Мы едем на лето в Бекфорд: ты оживлена и возбуждена, не в силах дожидаться, когда мы окажемся на месте, а на мне лица нет. Меня укачало, и я изо всех сил сдерживаю тошноту.

Это не просто воспоминание, это то, что я снова почувствовала. Началось это после обеда, и я, сгорбившись над рулем как старуха, ехала быстро и неумело, забираясь на поворотах на середину дороги, тормозя слишком резко и шарахаясь в сторону при виде встречных машин. Мне это свойственно: каждый раз, когда я вижу, как навстречу по узкой дороге движется белый фургон, и собираюсь взять немного в сторону, меня так и подмывает сделать наоборот и поехать прямо на него, и не потому, что мне так хочется, а потому, что я не могу иначе. Как будто в последний момент я все равно не удержусь. Словно человек, который, стоя на краю утеса или железнодорожной платформы, чувствует, как сзади его подталкивает невидимая рука. А что если? Что если просто шагнуть вперед? Если просто

крутануть руль?

(В конце концов, мы с тобой не так сильно отличаемся друг от друга.)

Меня поразило, как хорошо я это помнила. Слишком хорошо. Почему же так получается, что я отлично помню происходившее со мной в восемь лет и никак не могу вспомнить, попросила ли коллег перенести оценку клиента на следующую неделю? Я не могу запомнить то, что хочу, а то, что стараюсь забыть, продолжает всплывать в памяти. Чем ближе я подъезжала к Бекфорду, тем больше убеждалась: прошлое накатывало на меня так же явственно и неотвратимо, как слышалось чириканье воробьев, прятавшихся в живой изгороди.

Вся эта пышность, изумрудная зелень травы, яркая желтизна растущего на холме кустарника разбудили во мне хлынувшие потоком воспоминания. Вот меня четырех-пятилетнюю несет в воду папа, а я вырываюсь и визжу от восторга; вот ты прыгаешь в воду со скал, каждый раз забираясь все выше и выше. Пикники на песчаном берегу и вкус крема от загара на языке; ловля жирной коричневой рыбы в стоячей мутной воде вниз по течению от мельницы. Ты приходишь домой, и по ноге у тебя течет кровь. Ты содрала кожу, неудачно прыгнув, и теперь, пока папа обрабатывает тебе рану, кусаешь кухонное полотенце, чтобы не заплакать, – я не должна видеть твоих слез. Мама в светло-голубом сарафане варит для нас на кухне кашу на завтрак – она босиком, стопы у нее темного ржаво-коричневого цвета. Папа сидит на берегу и делает наброски. Позже, когда мы уже стали постарше, ты в джинсовых шортах и лифе от купальника под футболкой тайком сбегаешь на свидание. И не просто к парню, а к тому самому парню. Мама, хрупкая и сильно похудевшая, дремлет в кресле в гостиной; папа исчезает на долгих прогулках с пухленькой женой викария, бледной, в шляпке, защищающей от солнца. Я помню ту игру в футбол. Горячее солнце на воде, все глазают на меня; я смаргиваю слезы, бедро перепачкано кровью, в ушах звенит их смех. Я до сих пор его слышу. Его и несмолкаемое журчание воды.

Я так глубоко погрузилась в воспоминания, что не заметила, как оказалась в центре города. Он вдруг возник, будто по мановению волшебной палочки, и не успела я оглянуться, как уже медленно пробиралась по узким улочкам, заставленным внедорожниками. Теперь я осторожно ехала в сторону церкви и старого моста, и боковым зрением видела пятна розового камня. Я не сводила глаз с дороги перед собой и старалась не смотреть на деревья и реку. Старалась не смотреть, но все равно видела.

Я остановилась на обочине и заглушила двигатель. Бросила взгляд вверх, на деревья и каменные ступени, покрытые зеленым мхом и скользкие после дождя. По телу пробежали мурашки. Перед глазами возникла картина: холодные капли дождя барабанят по асфальту; реку и небо выхватывают из мрака вспышки синих мигалок и молний; изо ртов охваченных ужасом людей вырываются клубы пара; маленького, смертельно бледного, дрожащего мальчика ведет по ступенькам женщина-полицейский. Она держит его за руку, ее глаза широко раскрыты и полны ужаса, она оглядывается по сторонам, подзывая кого-то. Меня по-прежнему переполняют те же чувства, что и в ту ночь: страх и возбуждение. У меня в ушах по-прежнему звучат твои слова: «Ты можешь себе представить, каково это? Видеть, как умирает твоя мать?»

Я отвернулась. Потом завела машину, выбралась обратно на дорогу и проехала по мосту, за которым дорога становилась извилистой. Я вспоминала, где нужный поворот: первый слева? Нет, не этот, следующий. А вот и Милл-Хаус – внушительное каменное строение бурого цвета. По холодной влажной коже снова побежали мурашки, сердце учащенно

забилося, и я въехала через открытые ворота на подъездную дорожку.

Стоявший там мужчина смотрел на экран мобильного. Полицейский в форме. Он быстро подошел к моей машине, и я опустила стекло.

– Я Джулс, – сказала я. – Джулс Эбботт. Я... ее сестра.

– О! – смутился он. – Да. Верно. Конечно. Послушайте, – он оглянулся на дом, – там сейчас никого нет. Девушки... вашей племянницы... сейчас нет дома. Я даже не знаю, где... – Он вытащил из-за пояса рацию.

Я открыла дверцу и вылезла из машины.

– Я могу пройти в дом? – спросила я и перевела взгляд на открытое окно в твоей старой комнате.

Я отлично помнила, как ты сидела на подоконнике, свесив ноги наружу. От такого зрелища становилось не по себе.

Полицейский засомневался. Он отвернулся, тихо что-то спросил по рации, после чего снова повернулся ко мне:

– Да, все в порядке. Вы можете войти.

Поднимаясь по ступенькам, я ничего не видела, но слышала журчание воды и чувствовала запах земли – едкий смрад гниющих листьев в тени дома, под деревьями, везде, куда не проникали лучи солнца, и этот запах опять перенес меня в прошлое.

Я открыла входную дверь, ожидая услышать голос мамы из кухни. Я машинально толкнула дверь в том самом месте, где она постоянно цеплялась за пол. Я вошла в прихожую и закрыла за собой дверь – глаза привыкали к темноте, а от внезапного холода кожа покрылась мурашками.

На кухне к окну был придвинут дубовый стол. Тот самый? Похож, но вряд ли он, ведь за столько лет у дома не раз менялись владельцы. Я могла бы узнать точно, если бы залезла под стол и поискала отметины, которые мы с тобой там делали, но от одной только мысли об этом у меня лихорадочно забилося сердце.

Я помню, как по утрам сюда падали лучи солнца. Сев слева, лицом к кухонной плите, можно было насладиться изумительным видом на живописный старый мост. Все отмечали, какой красивый открывался вид, но по-настоящему его никто не видел. Никто не открывал окно и не высовывался наружу, никто не смотрел вниз на старое полусгнившее мельничное колесо, не видел, как играют лучи солнца на поверхности воды, не знал, какой вода была на самом деле – черно-зеленой и заполненной живыми и умирающими существами.

Из кухни я прошла в коридор, мимо лестницы, в глубь дома. Она появилась передо мной так неожиданно, что я невольно вздрогнула: огромные окна выходили на реку, и казалось, что стоит их открыть, как вода из бежавшей внизу реки начнет переливаться через широкий деревянный подоконник.

Я все помню. Все эти годы летом мы с мамой сидели на этом устланном подушками подоконнике, почти касаясь друг друга пальцами ног, с книгами на коленях. Рядом стояла тарелка с бутербродами, хотя она никогда к ним не притрагивалась. Я не могла спокойно смотреть на подоконник – у меня щемило сердце и накатывало отчаяние.

Штукатурку специально сбили, чтобы обнажить кирпичи, и в обстановке была вся ты: на полу восточные ковры, массивная мебель из черного дерева, большие диваны и кожаные кресла, и повсюду свечи. И проявление твоих манер: огромные гравюры в рамах, «Офелия» Джона Милле, красивая и безмятежная, глаза и рот открыты, а рука сжимает цветы; три тела Гекаты Уильяма Блейка; «Шабаш ведьм» Франсиско Гойи, его же «Тонущая собака». Я

особенно ненавижу эту картину – бедное животное изо всех сил пытается удержать голову над прибывающей водой.

Я услышала, как зазвонил телефон, и мне показалось, что он звонит из-под дома. Я пошла на звук через гостиную, спустилась на несколько ступенек – там раньше была кладовка, наполненная хламом. Однажды ее затопило, и все там так и осталось под слоем ила, словно дом превращался в русло реки.

Я прошла в помещение, в котором ты устроила мастерскую. В нем находились оборудование для съемки, экраны, напольные светильники и отражатели, принтер, на полу – стопки бумаг, книг и папок, а вдоль стен расставлены шкафы. И конечно, фотографии. Все стены были сплошь завешаны твоими снимками. На первый взгляд могло показаться, что тебя интересуют мосты: «Золотые ворота» в Сан-Франциско, Нанкинский мост через Янцзы, Виадук Принца Эдварда. Но это только на первый взгляд. Дело было не в мостах и не в восхищении шедеврами инженерной мысли. Посмотрев внимательно, поймешь: тут не только мосты, но и зловещая скала самоубийц Бичи-Хед, лес Аокигахара у подножия горы Фудзи, утес Прекестулен в Норвегии. Места, куда отправляются отчаявшиеся люди, чтобы свести счеты с жизнью. Это – храмы отчаяния.

На стене напротив входа развешаны фотографии Смертельной заводи. Их бесконечно много, заводь снята с каждого мыслимого угла, под всеми возможными ракурсами. Зимой она бесцветная и ледяная на фоне сурового черного обрыва, летом – переливается яркими красками, превращаясь в утопающий в пышной зелени оазис, или, напротив, становится унылой и кремнисто-серой под тяжестью нависших над ней туч. Бесчисленные изображения сливаются в одно, отчего начинает кружиться голова. Я чувствую себя там, на вершине обрыва, будто смотрю вниз, на воду, и меня охватывает непреодолимое желание поддаться искушению забвения.

Никки Сейдж

Кто-то совершал смертельный прыжок в воду с обрыва по своей воле, кого-то с него сталкивали. Если бы спросили Никки – чего никто не собирался делать, потому что ее никто и никогда не слушал, – то она бы ответила, что Нел Эбботт столкнули. Но никто не собирался задавать ей вопросы и выслушивать ее ответы, и говорить ей не имело никакого смысла. Особенно полиции. Даже если бы в ее прошлом и не было проблем с блюстителями закона, она бы все равно не могла говорить с ними об этом. Слишком опасно.

Никки жила в квартирке над бакалейным магазином. В действительности комната была всего одна, а кухня и ванная такие крошечные, что с трудом оправдывали свое название. Жила она более чем скромно, но у нее имелось удобное кресло у окна с видом на город, и в нем она сидела, ела и даже иногда спала, потому что в последнее время страдала бессонницей и особого смысла ложиться не было.

Никки сидела и наблюдала за всем происходящим, а если чего-то не видела, то чувствовала. Она что-то почувствовала еще до того, как над мостом синевой начали мерцать звезды. Она не знала, что это Нел Эбботт, во всяком случае сначала. Люди думают, что видения бывают четкими и ясными, но это далеко не так. Никки знала только одно: кто-то снова оказался в воде. Она сидела без света и смотрела: вот мужчина с собаками побежал вверх по ступенькам, затем приехал автомобиль. Не полицейская машина, а самая обычная, темно-синяя. Детектив Шон Таунсенд, подумала она, и была права. Он и мужчина с собаками направились вниз по ступенькам, а потом появилась толпа полицейских на

машинах с включенными мигалками, но без сирен. В них не было смысла. Все уже произошло.

Когда встало солнце и она отправилась за молоком и газетой, все только и обсуждали случившееся – второй раз за год. Но когда Никки услышала, что это была Нел Эбботт, она уже знала: второй случай не похож на первый.

Она даже подумывала, не пойти ли к Шону Таунсенду и сразу ему об этом сказать. Но, каким бы приятным и вежливым молодым человеком он ни был, он служил в полиции и оставался сыном своего отца, так что доверять ему не следовало. Никки не стала бы даже думать об этом, не относись она к Шону с симпатией. Он сам пережил ужасную трагедию и бог знает через что прошел, и еще он был добр к ней – единственный, кто отнесся к ней по-человечески во время ареста.

Вообще-то второго ареста, если быть честной. Он случился лет шесть или семь назад. После первого обвинения в мошенничестве она не оставила свою практику, но ограничила ее старыми проверенными клиентами и представительницами сообщества ведуний, которые изредка появлялись, чтобы отдать дань памяти Либби, Мэри и вообще всем утопленницам. Иногда она гадала на картах Таро – пару раз за лето; время от времени ее просили связаться с умершим родственником или одним из утопленников. Долгое время она не афишировала свою деятельность и никаких услуг сама не предлагала.

Но потом ее пособие сократили во второй раз, и Никки решила: надо что-то делать. Один из ребят, работавших в библиотеке на общественных началах, помог ей создать сайт, предлагавший сеансы гадания по 15 фунтов за полчаса. Вполне приличная такса, учитывая, что Салли Морган из телевизора была такой же ясновидящей, как задница Никки. При этом та просила за сеанс в двадцать минут целых 29 фунтов 99 пенсов, причем за эти деньги общалась не сама – всю работу выполнял кто-нибудь из ее «команды медиумов».

Сайт проработал всего несколько недель, а потом в полицию обратился сотрудник управления торговых стандартов и обвинил ее в «непредоставлении письменного отказа от ответственности за возможные последствия, предусмотренного Положениями об охране интересов потребителей». Положения об охране интересов потребителей! Никки заявила, что понятия не имела о необходимости этих документов, но в полиции на это возразили, что закон изменился. А откуда, поинтересовалась она, ей было об этом знать? Что, понятно, всех безумно развеселило. Мол, разве вы не должны были об этом знать? Или вы можете заглянуть только в будущее, но никак не в прошлое?

И только инспектор уголовной полиции Таунсенд – в то время простой констебль – не смеялся вместе со всеми. Он был добр и объяснил, что это связано с новыми правилами ЕС. Правила ЕС! Защита прав потребителей! Было время, когда людей, подобных Никки, привлекали к ответственности (преследованию) по Закону о колдовстве и Закону о лже-медиумах. Теперь же их судьбой распоряжаются европейские бюрократы. Как же низко пали сильные мира сего!

После этого Никки закрыла сайт, зареклась иметь дело с новыми технологиями и вернулась к прежнему порядку ведения дел, но сейчас клиентов практически не осталось.

Надо признать, что смерть Нел выбила Никки из колеи. Она плохо себя чувствовала. Не виноватой, нет, потому что ее вины в этом не было. И все же она продолжала задаваться вопросом: не слишком ли она разоткровенничалась, не слишком ли много рассказала. Но не она положила этому начало. Нел Эбботт уже играла с огнем – она была одержима рекой и ее тайнами, а ничем хорошим подобная одержимость не заканчивается. Нет, Никки никогда не

предлагала Нел искать неприятности, она лишь указала ей нужное направление. И потом, разве она не предупреждала ее? Проблема в том, что никто ее не слушал. Никки говорила, что в городе есть люди, которые проклянут ее, едва завидев, – так было всегда. Но никто не хотел ничего слышать и знать, разве не так? Никому не нравилась мысль, что вода в реке отравлена кровью и болью несчастных женщин, подвергнувшихся преследованию; они пили эту воду каждый день.

Джулс

Ты ничуть не изменилась. Мне следовало это знать. И я это знала. Ты любила Милл-Хаус и воду и была одержима теми женщинами, их поступками и оставленными ими близкими. А теперь еще и это! Если честно, Нел, неужели все так далеко зашло?

На втором этаже я нерешительно остановилась у спальни. Потом взялась за ручку двери и сделала глубокий вдох. Я помнила, что мне сказали, но я знала тебя и потому не могла им поверить. Мне казалось, что стоит открыть дверь, и за ней окажешься ты, такая же высокая и худая, и нашей встрече ты будешь совсем не рада.

В комнате никого не было. Казалось, ты только что вышла отсюда – например, спустилась по лестнице, чтобы сварить чашку кофе. И можешь вернуться в любую минуту. В воздухе по-прежнему витал аромат твоих духов – насыщенный, сладковатый и старомодный, наподобие тех, которыми пользовалась мама, – «Опиум» или «Ивресс».

– Нел? – тихо позвала я, будто произносила заклинание, призывающее дьявола.

В ответ – тишина.

Дальше по коридору располагалась «моя комната». Я в ней спала, и она была самой маленькой в доме, как и полагается быть комнате самого младшего в семье. Она оказалась даже меньше, чем я запомнила, и мрачнее. В ней стояла только разобранная кровать, пахло сыростью, как от земли. В этой комнате мне всегда было не по себе. Неудивительно, учитывая, как ты любила меня пугать. Сидя за стеной, ты скребла по штукатурке ногтями, рисовала снаружи на двери разные символы кроваво-красным лаком, писала имена погибших женщин на запотевших оконных стеклах. И рассказывала истории о ведьмах, которых топили в реке, о потерявших надежду женщинах, разбиравшихся о скалы вниз, о перепуганном маленьком мальчике, прятавшемся в лесу и видевшем, как его мать бросилась с обрыва и разбилась насмерть.

Конечно, я не могла об этом помнить. Пытаясь найти в памяти прячущегося маленького мальчика, я вижу только бессмысленные обрывки, похожие на прерванный сон. Ты шептала мне на ухо. И это происходило не холодной ночью у воды. Во всяком случае, мы не жили тут зимой, и холодных ночей у воды не проводили. Я никогда не видела напуганного ребенка на мосту посреди ночи – как бы я, в то время совсем маленькая, сама оказалась там? Нет, это была история, которую рассказала мне ты. Как мальчик прокрался среди деревьев, поднял голову и увидел в лунном свете белое как полотно лицо своей матери, увидел, как она, раскинув руки, бросается в тишине вниз, услышал, как оборвался ее крик при ударе о черную воду.

Я даже не знаю, существовал ли мальчик, видевший, как умирает его мать, или ты все придумала.

Я вышла из своей старой комнаты и направилась в ту, которая раньше была твоей, а теперь, судя по всему, ее занимает твоя дочь. Там царил жуткий беспорядок: одежда и книги разбросаны, на полу валяется влажное полотенце, на прикроватной тумбочке грязные

кружки, спертый воздух пропитан табачным дымом и приторным запахом увядших лилий в вазе возле окна.

Я машинально начала уборку. Расправила постельное белье и повесила полотенце сушиться в ванной. Я стояла на коленях, вытаскивая из-под кровати грязную тарелку, когда услышала твой голос, и у меня перехватило дыхание.

– Какого черта ты тут делаешь?

Джулс

Я поднялась с довольной улыбкой, поскольку с самого начала знала, что они ошиблись. Я знала: ты не могла умереть. И вот ты действительно стоишь в дверях и велишь мне убираться к чертовой матери! Тебе шестнадцать или семнадцать лет, ты держишь меня за запястье, впившись в кожу накрашенными ногтями. «Я сказала вон, Джулия! Толстая корова».

Улыбка сползла с моих губ, потому что, конечно, это была вовсе не ты, а твоя дочь, которая очень похожа на тебя в том возрасте. Она стояла в дверях, уперев руку в бок.

– Что ты тут делаешь? – снова спросила она.

– Мне очень жаль, – ответила я. – Я – Джулс. Мы не встречались, но я твоя тетя.

– Я не спрашиваю, кто ты, – отозвалась она, глядя на меня, как на идиотку. – Я спросила, что ты тут делаешь? Что ты ищешь? – Она отвернулась от меня и бросила взгляд на дверь в ванную. – Внизу ждут полицейские, – сообщила она и, не дожидаясь ответа, не спеша направилась по коридору, стуча шлепанцами по кафельному полу.

Я пошла за ней.

– Лина, – сказала я и положила руку ей на плечо.

Она дернулась, будто ошпаренная, и резко повернулась, испепеляя меня взглядом.

– Мне очень жаль.

Она опустила глаза и начала тереть то место, до которого я дотронулась. На ногтях у нее был облезший синий лак, а кончики пальцев выглядели так, будто принадлежали трупу. Она кивнула, не глядя мне в глаза.

– С тобой хотят поговорить полицейские, – повторила она.

Лина оказалась совсем не такой, какой мне представлялось. Наверное, я рассчитывала увидеть растерянного ребенка, который отчаянно нуждался в утешении. Но она, конечно, совсем не ребенок, ей пятнадцать лет, а что касается утешения, то оно ей, похоже, совсем не нужно. Во всяком случае, от меня. В конце концов, она же твоя дочь!

Полицейские ждали на кухне, стоя за столом и глядя в сторону моста. Высокий мужчина с седоватой щетиной и рядом с ним женщина намного ниже ростом.

Мужчина сделал шаг вперед, протягивая руку и не сводя с меня пристального взгляда светло-серых глаз.

– Инспектор уголовной полиции Шон Таунсенд, – представился он и протянул руку.

Я заметила, что его пальцы слегка дрожат. На ощупь его ладонь оказалась холодной и сухой, словно принадлежала пожилому человеку.

– Я очень сожалею о вашей потере.

Так странно было слышать эти слова. Их уже произносили вчера, когда приходили сообщить о случившемся. Я сама едва не сказала их Лине, но теперь они звучали по-другому. «Вашей потере». Я хотела ответить, что это слово неправильное. Она не могла «потеряться». Вы просто не знаете Нел, вы не знаете, какая она на самом деле.

Инспектор Таунсенд не сводил с меня взгляда, ожидая, что я произнесу что-то в ответ. Он возвышался надо мной, худой и с таким острым, как бритва, взглядом, что об него, казалось, запросто можно порезаться, если подойти слишком близко. Я продолжала на него смотреть, когда вдруг заметила устремленный на меня взгляд женщины, полный сочувствия.

– Эрин Морган, – представилась она. – Мне очень жаль.

У нее были оливковая кожа, темные глаза и иссиня-черные волосы. Она зачесала их назад, но из-за непокорных завитков на висках и за ушами все равно казалась растрепанной.

– Сержант уголовной полиции Морган будет вашим контактным лицом в полиции, – пояснил инспектор Таунсенд. – Она будет держать вас в курсе расследования.

– А что, ведется расследование? – спросила я непонятно зачем.

Женщина с улыбкой кивнула и жестом пригласила меня сесть за кухонный стол, что я и сделала. Детективы устроились напротив. Инспектор уголовной полиции бросил взгляд вниз и потер правой ладонью левую руку: движения были быстрыми и судорожными – раз, два, три.

Беседу со мной вела сержант Морган, и ее размеренный, спокойный тон никак не соответствовал тому, что она говорила.

– Тело вашей сестры обнаружил в реке мужчина, гулявший вчера рано утром с собакой. – У нее был лондонский акцент и мягкий, обволакивающий, как дым, голос. – Предварительные данные свидетельствуют о том, что она провела в воде всего несколько часов. – Морган посмотрела на инспектора и снова перевела взгляд на меня. – Она была полностью одета, а все имеющиеся травмы получены в результате падения тела в воду с обрыва.

– Вы считаете, что она оступилась? – Я перевела взгляд с полицейских на Лину, которая спустилась за мной на кухню и теперь стояла, опираясь о столешницу.

Она была босиком, в черных легинсах и серой майке, обтягивающей острые ключицы и маленькую грудь. Вид она приняла безучастный, как будто происходящее ее ничуть не волновало. Словно в нем не было ничего необычного. В правой руке она держала телефон, водя по экрану большим пальцем, а левой обхватывала себя за узкое плечико шириной с мое запястье. Широкий рот, темные брови, грязные светлые волосы, падающие на лицо.

Должно быть, она почувствовала, что я наблюдаю за ней, потому что взглянула на меня, на мгновение расширив глаза, и я отвернулась.

– Ты же не думаешь, что она оступилась? – спросила она, поморщившись. – Это просто невозможно.

Лина Эбботт

Все смотрели на меня, и мне хотелось закричать, велеть им убраться из нашего дома. Моего дома. Это мой дом, он наш и никогда не будет ее. «Тетя Джулия». Я застала ее в своей комнате, когда она рылась в моих вещах, даже не познакомившись со мной. Потом попыталась быть милой и сказала, что ей очень жаль, будто я должна поверить, что ей не наплевать.

Я не спала два дня и не хочу разговаривать ни с ней, ни с другими. Мне не нужна ни ее помощь, ни ее чертовы соболезнования, и я не хочу выслушивать глупые предположения о том, что случилось с мамой, от людей, которые даже не знали ее.

Я попыталась не вмешиваться, но, когда они сказали, что она, судя по всему, просто оступилась и упала, я разозлилась, потому что, конечно, это не так. Не так. Они не понимают. Это не несчастный случай, она поступила так намеренно. Сейчас, наверное, это

уже не важно, но мне кажется, что всем нужно как минимум признать правду.

– Она не оступилась. Она прыгнула намеренно, – произнесла я.

Женщина-детектив начала задавать глупые вопросы, почему я так считаю, была ли мама подавленной и не предпринимала ли попыток самоубийства раньше, и все это время тетя Джулия не сводила с меня печального взгляда, будто у меня не все дома.

– Вы же знаете, что она была одержима этой заводью, всем, что там происходило, всеми, кто там погиб. Вы знаете это. Даже она знает, – сказала я, глядя на Джулию.

Она, как рыба, открыла рот и снова закрыла. Мне даже захотелось им все рассказать и попытаться все объяснить, но какой смысл? Не думаю, что они способны понять.

Шон – инспектор Таунсенд, так я должна к нему обращаться, когда он при исполнении, – начал задавать вопросы Джулии. Когда она разговаривала с мамой в последний раз? В каком та была состоянии? Не вызвало ли что-нибудь у нее тревоги? А тетя Джулия сидела и врала.

– Я не разговаривала с ней много лет, – сказала она, и ее лицо при этих словах залилось краской. – Мы не общались.

Она видела, что я смотрю, знала, что мне известно, какая это чушь, и покраснела еще больше. А потом попыталась перевести внимание на меня и спросила:

– Послушай, Лина, а почему ты решила, что она прыгнула намеренно?

Я долго на нее смотрела, прежде чем ответить. Я хотела, чтобы она знала: я вижу ее насквозь.

– Меня удивляет, что ты об этом спрашиваешь, – сказала я. – Разве не ты ей говорила, что у нее жажда смерти?

Она замотала головой и залепетала:

– Нет, нет, я не... все было не так...

Врунья!

Другой детектив – женщина – начала говорить, что «в настоящий момент нет доказательств, указывающих на умышленное действие», и что они не нашли предсмертной записки.

Я не могла сдержать смеха.

– Вы думаете, что она должна была оставить записку? Моя мать ни за что бы не стала оставлять никакой чертовой записки! Это было бы... банально.

Джулия кивнула:

– Да... это правда. Поставить всех в тупик вполне в духе Нел. Она обожала тайны. И хотела бы оказаться в центре одной из них.

Мне захотелось влечь ей пощечину. «Ах ты, гадина, – едва не сорвалось у меня с языка, – ты в этом тоже виновата!»

Женщина-детектив захлопотала, наливая всем воды, и попыталась всунуть мне стакан в руку, но я больше не могла все это выносить. Я чувствовала, что вот-вот расплачусь, но не хотела, чтобы они видели мои слезы.

Я направилась в свою комнату, заперлась и уже там разревелась.

Обмотав рот шарфом, чтобы плакать как можно тише, я сопротивлялась желанию дать себе волю и выплеснуть все отчаяние наружу. Мне казалось, что если я не сдержусь, то уже никогда не смогу прийти в себя.

Я изо всех сил старалась не думать, но в голове продолжали крутиться слова: «Прости, прости, прости, это я виновата». Я смотрела на дверь своей спальни и вновь и вновь видела,

как в воскресенье вечером мама зашла пожелать мне спокойной ночи. Она сказала: «Что бы там ни было, ты же знаешь, как сильно я тебя люблю, Лина, правда?» Я повернулась набок и надела наушники, но знала, что она продолжала стоять и смотреть на меня. Я чувствовала это, как и ее печаль, и даже испытывала удовлетворение, потому что считала, что она получила по заслугам. Я бы отдала все на свете, буквально все, лишь бы иметь возможность встать, обнять ее и сказать, что я тоже ее люблю, что она ни в чем не виновата и что я не должна была говорить, будто это целиком ее вина. Если она и была виновата в чем-то, то не больше меня.

Марк Хендерсон

Сегодня был самый жаркий день года, и, поскольку Смертельная заводь исключалась по очевидным причинам, Марк отправился искупаться вверх по реке. На участке перед коттеджем Уордов река становилась шире, а потом снова сужалась, устремляясь по рыжеватой гальке. Но посередине заводь была глубокой, а вода такой холодной, что перехватывала дыхание и обжигала кожу, невольно вызывая приступ смеха.

И он смеялся, смеялся громко – ему захотелось смеяться впервые за последние несколько месяцев. И в реке он оказался за это время тоже впервые. Река перестала быть для него источником удовольствия и вызывала только ужас, но сегодня все вернулось на круги своя. Сегодня он чувствовал себя хорошо. Проснувшись с ясной головой и легкостью в теле, он сразу понял, что сегодня отличный день для купания. Вчера Нел Эбботт нашли утонувшей. Сегодня отличный день. Он чувствовал, как с души не то чтобы свалился камень, а будто тиски, сжимавшие его виски, сводившие с ума и не позволявшие жить, наконец-то разжались.

К нему домой пришла женщина-полицейский – очень молодая сотрудница уголовной полиции, и ее девичья непосредственность так располагала к себе, что ему даже захотелось сообщить ей то, чего не следовало. Ее звали Келли, а фамилию он не запомнил. Он пригласил ее войти в дом и рассказал правду. Что видел, как в воскресенье вечером Нел Эбботт вышла из паба. Он не стал говорить, что отправился туда в надежде встретить ее, это было не важно. Он сказал, что они поговорили, но очень недолго, потому что Нел торопилась.

– А о чем вы разговаривали? – поинтересовалась Келли.

– О ее дочери, Лине, одной из моих учениц. В последний семестр у меня с ней были кое-какие проблемы, главным образом связанные с дисциплиной. В сентябре начнутся занятия, и английский она станет изучать в моем классе, а это важный год, ей предстоит сдавать экзамен на аттестат, и я хотел убедиться, что больше проблем с ней не возникнет.

Это было правдой. Она сказала, что спешит, у нее дела. Это тоже было правдой, хотя и не всей. Ничего, кроме правды.

– У нее не было времени обсудить проблемы своей дочери в школе? – удивилась детектив.

Марк пожал плечами и грустно улыбнулся.

– Одни родители принимают большее участие в воспитании, другие меньшее, – пояснил он.

– А куда она отправилась из паба? Поехала на машине?

Марк покачал головой:

– Думаю, домой. Она пошла в сторону дома.

Келли кивнула.

– И после этого вы ее больше не видели? – спросила она, на что Марк опять покачал головой.

Что-то из этого являлось правдой, а что-то – ложью, однако детектив, судя по всему, была удовлетворена; она оставила ему визитку с номером телефона и попросила позвонить, если он вспомнит что-нибудь еще.

– Обязательно, – заверил Марк с обаятельной улыбкой, от которой она вдруг поморщилась. Он даже подумал, не переиграл ли.

Теперь он нырнул с головой, добрался до дна и зачерпнул ладонью мягкую илистую грязь. Потом свернулся в клубок, и мощная подъемная сила выбросила его на поверхность, где он жадно вдохнул свежий воздух.

Он будет скучать по реке. Ему придется найти новую работу, может, в Шотландии, а может, даже дальше: во Франции или Италии, где никто не будет знать, ни откуда он родом, ни его прошлое. Он мечтал о том, что начнет жизнь с чистого листа и с незапятнанной репутацией.

Выбравшись на берег, Марк почувствовал, как его вновь охватывает тревога. Опасность еще не миновала. Пока нет. Девушка по-прежнему может создать проблемы, хотя, раз уж до сих пор держала рот на замке, маловероятно, что она вдруг решится нарушить молчание. К Лине Эбботт можно относиться по-разному, но одного у нее не отнять: она умела хранить верность и держать слово. И теперь, когда мать уже не будет оказывать на нее дурное влияние, она может стать вполне приличным человеком.

Он еще немного посидел на берегу, опустив голову, слушая журчание воды и чувствуя тепло солнечных лучей на плечах. Мокрая спина высыхала, и его приподнятое настроение стало улетучиваться, уступая место предчувствию, что основания для надежды имелись.

Услышав шум, Марк поднял голову. Кто-то приближался. Он узнал ее фигуру, мучительную медлительность походки, и сердце в его груди тревожно забилося. Луиза.

Луиза Уиттакер

На берегу сидел мужчина. Сначала Луизе показалось, что он голый, но, когда он поднялся, она увидела, что на нем плавки, узкие и облегающие. Она смутилась. Это был мистер Хендерсон.

Когда Луиза приблизилась, он уже успел обернуть вокруг талии полотенце и натянуть футболку.

– Миссис Уиттакер, как вы?

– Луиза, – поправила она. – Пожалуйста.

Он наклонил голову, слегка улыбнулся.

– Луиза. Как вы?

Она попыталась улыбнуться в ответ.

– Сами знаете.

Он не знал. Никто не знал.

– Говорят... Психологи говорят, что бывают хорошие дни, а бывают плохие, и это надо просто принять.

Марк кивнул и отвел взгляд, и она заметила, как он покраснел, явно смутившись.

Оба чувствовали себя неловко. До того как ее жизнь разбилась вдребезги, она никогда не задумывалась, насколько не по себе бывает людям, с которыми заговаривает человек,

переживший горе. Сначала эту скорбь признавали, уважали и принимали в расчет. Но позднее она начала мешать – беседе, смеху, нормальной жизни. Всем хотелось оставить ее в прошлом и продолжать жить, и тут появлялась Луиза со своим горем, действуя всем на нервы и волоча за собой тело своего мертвого ребенка.

– Как вода? – спросила она, и он покраснел еще больше. Вода, вода, вода – в этом городе от нее никуда не деться. – Наверное, холодная?

Марк потряс головой, как мокрая собака.

– Бррр! – произнес он и натянуто рассмеялся.

Оба думали об одном и том же, и она чувствовала, что должна об этом заговорить.

– Вы слышали о матери Лины?

Как будто кто-то мог не слышать. Мог жить в этом городе и не знать.

– Да, ужасно. Настоящий кошмар. Такой шок. – Он замолчал и, так и не дождавшись реакции Луизы, продолжил: – Э-э... я хочу сказать, что в курсе, что вы с ней... – Не договорив, он обернулся и бросил взгляд на свою машину.

Он не знал, как уйти, бедняга.

– Не совсем ладили? – закончила за него Луиза, играя талисманом в виде маленькой голубой птички, висевшей на шее. – Да, мы не ладили. Но все равно...

«Но все равно» было всем, что она смогла из себя выжать. Сказать «не ладили» про их отношения с Нел значило не сказать ничего, но говорить об этом не имело смысла. Мистер Хендерсон отлично знал о вражде между ними, и будь она проклята, если станет стоять тут на берегу реки и делать вид, будто смерть Нел Эбботт ее опечалила. Притворяться она не могла, да и не хотела.

Слушая психологов, она знала, что все их слова чушь и в ее жизни больше никогда не будет ни одного хорошего дня, но все же в последние сутки или около того она не могла не чувствовать торжества.

– Такой ужасный конец, – продолжал мистер Хендерсон, – и то, как это произошло... как она сорвалась...

Луиза мрачно кивнула.

– Может, ей самой этого хотелось. И она сделала то, что хотела.

Марк нахмурился.

– Вы думаете, что она... что это не было случайностью?

Луиза покачала головой:

– Понятия не имею.

– Да нет, конечно, нет. – Он помолчал. – По крайней... по крайней мере, теперь то, что она писала, уже наверняка не опубликуют, верно? Ведь книга о заводи, над которой она работала, не закончена? И потому не может быть опубликована...

Луиза смерила его насмешливым взглядом.

– Вы так думаете? А вот мне кажется, что ее смерть, напротив, повышает шансы на издание. Женщина пишет книгу о людях, погибших в Смертельной заводи, и сама же лишается жизни в воде. Полагаю, что желающие опубликовать это найдутся.

Марк с ужасом смотрел на нее.

– Но Лина... наверняка Лина... этого не захочет.

Луиза пожала плечами.

– Кто знает? – снова спросила она. – Ведь авторский гонорар будет выплачиваться ей. – Она вздохнула. – Мне пора, мистер Хендерсон. – Она хлопнула его по руке, и он накрыл ее

руку своей.

– Мне очень жаль, миссис Уиттакер, – произнес он, и она была тронута, увидев в его глазах слезы.

– Луиза, – поправила она. – Зовите меня Луиза. И я знаю. Знаю, что вы чувствуете.

Луиза направилась обратно. Такая прогулка по тропинке вдоль реки занимала несколько часов, а в жаркие дни даже больше, но иного способа хоть чем-то себя занять она не находила. Не то чтобы других дел у нее не было. Надо связаться с агентами по недвижимости, начать наконец поиск подходящей школы. Поменять постельное белье, разобрать шкаф и убрать ставшую ненужной одежду. Сын тоже требовал внимания. Наверное, завтра. Всем этим она займется завтра, а сегодня Луиза шла вдоль реки и думала о дочери.

Сегодня, как и во все предыдущие дни, она вновь безрезультатно пыталась воскресить в памяти хоть какие-то особенности в поведении дочери, те самые «красные флажки», которые так и не сумела заметить. Она постоянно задавалась вопросом, что могло указывать на проблемы в счастливой жизни ее дочери. Потому что, если быть откровенной, Кэти никогда не давала им повода для беспокойства. Она была яркой, способной и уравновешенной девочкой с твердым характером.

Ее переход из детства в юность произошел легко и просто, она восприняла его совершенно спокойно. Если Луиза иногда и переживала, то только из-за того, что Кэти, похоже, вообще могла обходиться без заботы и внимания родителей. Ее ничто не раздражало, и ничто не мешало ей радоваться жизни – ни школьные занятия, ни навязчивое общество лучшей подруги, ни даже шокирующий в своей стремительности расцвет взрослой красоты. Луиза отлично помнила, какое острое чувство стыда она сама испытывала подростком, замечая, как мужчины смотрят на ее тело, но Кэти это ничуть не смущало. Другие времена, объясняла себе Луиза, и девочки сейчас тоже другие.

Луизу и ее мужа Алека беспокоила не Кэти, их беспокоил Джош. Он всегда был чувствительным и нервным ребенком, но в этом году что-то изменилось и угнетало его; казалось, с каждым днем он становился все более скрытным и замыкался в себе. Они переживали, что над ним могли издеваться в школе, что он стал хуже учиться, что по утрам у него под глазами темные круги.

Наверное, – а какая может быть другая причина? – пока они следили за сыном, боясь, что тот может упасть, оступилась их дочь, а они и не заметили, и потому не смогли вовремя подхватить и поддержать ее. Чувство вины, как ком в горле, не позволяло ей дышать – она думала, что в конце концов оно окончательно ее задушит, но этого никак не происходило, и она была вынуждена жить дальше – жить и помнить.

В тот последний вечер Кэти была очень тихой. Они ужинали втроем, потому что Джош остался ночевать у своего друга Хьюго. Обычно они не разрешали этого в учебные дни, но тогда сделали исключение, потому что беспокоились о том, что с ним происходит. Они воспользовались возможностью поговорить об этом с Кэти. Они спросили, не заметила ли она, что в последнее время Джош из-за чего-то переживает?

– Наверное, из-за того, что на будущий год будет учиться уже в обычной, а не начальной школе, – ответила она, не глядя на родителей и уткнувшись в тарелку, и голос ее слегка дрогнул.

– С ним все будет в порядке, – заметил Алек. – Там будет учиться половина их класса. Да и ты тоже.

Луиза помнила, как при этих словах Алека Кэти сжала в руке стакан с водой. Помнила, как она с трудом сглотнула и на секунду прикрыла глаза.

Они вместе помыли посуду. Луиза мыла, а Кэти вытирала, потому что посудомоечная машина сломалась. Луиза помнила, что предложила убрать все сама, если Кэти надо делать уроки, на что Кэти сказала, что все уже сделала. Луиза помнила, что каждый раз, беря у нее вытереть тарелку, Кэти касалась ее руки чуть дольше, чем это было необходимо.

Правда, сейчас Луиза не была уверена, действительно ли все происходило именно так. Отводила ли Кэти взгляд, опуская глаза в тарелку? Сжимала ли в руке стакан с водой и касалась ли ее руки не так, как обычно? Ответить сейчас наверняка было невозможно, а все ее воспоминания представлялись ненадежными и могли быть истолкованы неправильно. Не исключено, что причиной стал шок от осознания, что все, в чем она была так уверена, на самом деле оказалось совсем не так. А может, неуверенность объясняется тем, что ее ум был затуманен действием лекарств, которые она постоянно принимала после смерти Кэти. Луиза глотала таблетки горстями: они давали временное забвение, на смену которому неизменно приходил кошмар пробуждения. Через какое-то время она пришла к выводу, что часы забытья не стоили ужаса осознания каждый раз заново, что ее дочери больше нет.

Но в одном она не сомневалась: когда Кэти прощалась с ней перед сном, она улыбнулась и поцеловала ее так, как делала это всегда. Она обнимала ее не крепче и не дольше, чем обычно, и сказала:

– Спокойной ночи.

Как она могла так себя повести, зная, что собирается сделать?

От слез тропинка впереди расплылась, и Луиза заметила натянутую ленту полицейского ограждения, только когда на нее налетела. «Полицейское ограждение. Не заходить». Она уже проделала полпути вверх по склону и приближалась к вершине, теперь ей пришлось резко повернуть налево и сделать крюк, чтобы не потревожить то место, на котором Нел Эбботт стояла перед смертью.

Она обогнула вершину и направилась вниз по склону холма. Ноги уже ныли, волосы слиплись от пота, но там, где тропинка вилась среди зарослей деревьев на краю заводи, ее ждала спасительная тень. Пройдя еще примерно километр по тропинке, она добралась до моста и начала подниматься по ступенькам к дороге. Слева появилась группа девочек, и Луиза по привычке поискала взглядом, нет ли среди них ярких каштановых волос дочери, напрягла слух, не раздастся ли ее смех. Ее сердце снова оборвалось.

Она смотрела, как девочки, обняв друг друга за плечи, образуют круг, в центре которого находится Лина Эбботт. Лина, такая одинокая в эти последние месяцы, получила свою минуту славы. Теперь она тоже окажется в центре внимания, ее будут сначала жалеть, а потом избегать.

Луиза отвернулась от девушек и направилась вверх по холму в сторону дома. Она сторбилась и опустила голову, надеясь, что ей удастся проскользнуть незамеченной, потому что смотреть на Лину Эбботт было невыносимо, при виде ее у Луизы возникали ужасные мысли. Но девушка заметила ее и крикнула:

– Луиза! Миссис Уиттакер! Пожалуйста, подождите.

Луиза пыталась ускорить шаг, но ноги уже плохо ее слушались, сердце походило на сдувшийся воздушный шар, а Лина была молодой и сильной.

– Миссис Уиттакер, мне надо с вами поговорить.

– Не сейчас, Лина. Извини.

Лина коснулась руки Луизы, но та отстранилась – она не могла ее видеть.

– Мне очень жаль. Но я не могу сейчас с тобой разговаривать.

Луиза превратилась в бездушного монстра, в чудовище, которое отказывалось утешить ребенка, потерявшего мать. И что гораздо хуже – которое не могло смотреть на эту девочку и не думать: «Почему это была не ты? Почему не ты оказалась в воде, Лина? Почему моя Кэти? Добрая, нежная, великодушная, трудолюбивая и целеустремленная – она во всех отношениях лучше тебя. Она никогда не должна была оказаться в воде. На ее месте должна была быть ты».

Даниэла Эбботт

Смертельная заводь

(Из неопубликованной рукописи)

Пролог

Когда мне было семнадцать лет, я вытащила из воды сестру, не дав ей утонуть. Но началось все, как ни странно, совсем не с этого.

Есть люди, которых тянет к воде, в них живет некая изначальная и рудиментарная привязанность к местам, где она течет. Мне кажется, что я одна из них. Возле воды, и этой реки в первую очередь, я чувствую себя особенно живой. Здесь я научилась плавать, здесь ощутила себя частью природы, почувствовала радость и удовольствие от владения своим телом.

После переезда в Бекфорд в 2008 году я купалась в реке почти каждый день, зимой и летом, иногда с дочерью, иногда одна, и сама мысль, что место, которое стало для меня источником истинного наслаждения, может вызывать в других страх и ужас, придавала моим ощущениям особую остроту.

Я спасла сестру от смерти, вытащив ее из воды, когда мне было семнадцать лет, но заводью Бекфорда была одержима задолго до этого. Мои родители любили рассказывать разные истории, особенно мама: это от нее я впервые услышала о трагической судьбе Либби, о страшной резне в коттедже Уордов, о шокирующей истории мальчика, видевшего, как его мать прыгнула с обрыва и разбилась насмерть. Я заставляла ее пересказывать их снова и снова и помню, как возмущался отец («Эти рассказы не для детей») и как не соглашалась с ним мама («Наоборот! Это же история!»).

Ее рассказы пустили ростки, и задолго до того как моя сестра зашла в воду, как я взяла в руки камеру или ручку, я часами напролет грезил наяву, представляя, что они чувствовали и какой холодной была вода в последний день их жизни.

Теперь, повзрослев, я понимаю, что тайна, которая никак не дает мне покоя, конечно же, связана с нашей семьей. Казалось бы, никакой тайны быть не должно, но она есть, потому что, несмотря на все мои усилия наладить

отношения, сестра упорно отказывается разговаривать со мной уже много лет. Из-за ее молчания я пыталась сама представить, что заставило ее отправиться на реку посреди ночи, но даже со своим исключительно богатым воображением так и не смогла ничего придумать. Потому что моя сестра никогда не была склонна к драматизму, она не из тех, кто способен совершить вызывающий поступок. Она могла быть скрытной, себе на уме и такой же мстительной, как сама вода, но я до сих пор теряюсь в догадках. Неужели так будет всегда?

Я решила, что, пытаясь разобраться в себе, в нашей семье и историях, которые мы рассказываем друг другу, попробую найти смысл в этих преданиях Бекфорда и изложить на бумаге последние мгновения жизни женщин, расставшихся с ней в Смертельной заводи, так, как они мне представляются.

Ее название говорит само за себя, и все же – что это такое? Простой изгиб реки, ничего более. Обычная извилина. Ее легко найти, если идти вниз по течению и наблюдать, как река, набухая и ширясь, дарит жизнь и отнимает ее. Вода в ней то холодная и чистая, то стоячая и грязная. Затем река петляет через лес, разрезая, будто хлебный мякиш, Чевингтон-Хилс, и к северу от Бекфорда замедляет свой бег, чтобы ненадолго перевести дух в Смертельной заводи.

Тут царит настоящая идиллия: в тени дубов вьется тропинка, склоны холмов усеяны живописными рощицами из буков и платанов, а на южной стороне раскинулся пологий песчаный берег. Идеальное место для купания, прогулок с детьми и пикника в солнечный день.

Но впечатление это обманчивое, ибо место это коварное и губительное. Под зеркальной поверхностью темной воды скрываются водоросли, готовые опутать и навсегда утащить тебя в подводное царство, и острые камни, легко разрезающие плоть. А рядом, бросая вызов и провоцируя, нависает серая громада сланцевого утеса.

За несколько веков это место унесло жизни Либби Ситон, Мэри Марш, Энн Уорд, Джинни Томас, Лорен Слейтер, Кэти Уиттакер и бесчисленного множества других, безымянных и безликих женщин. Я хотела узнать, как и почему это произошло и что их жизни и смерти говорят нам о нас самих. Есть люди, которым эта затея не нравится, им больше по душе замалчивать и утаивать. Но я никогда не относилась к тем, кто прячет голову в песок.

Эту книгу воспоминаний о своей жизни и заводи Бекфорда мне хотелось бы начать не с утопления, а с плавания. Потому что все начинается именно с него – с испытания ведьм водой. Сюда, в мою заводь, в чудесный мирный уголок всего в километре от того места, где я сейчас сижу, притаскивали ведьм, связывали и бросали в воду, проверяя, утонут они или выплывут.

Одни утверждают, что эти женщины оставили в воде часть себя, другие – что воде передалась их власть, ибо с тех пор она притягивает к своим берегам несчастных, отчаявшихся и потерявших всякую надежду женщин. Они приходят сюда, чтобы соединиться со своими сестрами.

Эрин Морган

Бекфорд – чертовски странное место. Красивое, местами даже потрясающее, но при этом странное, какое-то обособленное, отрезанное от окружающего мира. Город

действительно стоит особняком, и до цивилизованного мира надо добираться на машине несколько часов. Если, конечно, считать Ньюкасл цивилизованным, в чем лично я сомневаюсь. Бекфорд – странное место, в нем полно людей со странностями, да и в его истории немало необычного. Через город протекает река, и что удивительно – куда бы вы ни направились, все равно окажетесь на ее берегу. Так, во всяком случае, кажется.

Что-то странное есть и в инспекторе уголовной полиции. Он из местных, поэтому вряд ли этому стоит удивляться. Мне это бросилось в глаза при первой же встрече вчера утром, когда из воды вытащили тело Нел Эбботт. Он стоял на берегу, уперев руки в бока и наклонив голову. Он с кем-то разговаривал – как потом выяснилось, с судмедэкспертом, – но издали все выглядело так, будто он молился. Я даже решила, что он священник. Высокий худой мужчина в темном на фоне черной воды, сзади высится скала, а у его ног лежит женщина с безмятежным бледным лицом.

Не безмятежным, конечно, а мертвым. Но лицо не было искажено, на нем не имелось повреждений. Если не видеть ее тела, сломанных конечностей или неестественно выгнутой спины, можно было бы решить, что она утонула.

Я представилась инспектору, и мне сразу показалось, что в нем было нечто странное – слезящиеся глаза, легкая дрожь пальцев, которую он пытался подавить, потирая ладонью запястье. Мне невольно вспомнился отец, когда он вставал с похмелья, – нужно было говорить тихо и не привлекать к себе внимания.

Не привлекать к себе внимания казалось хорошей идеей в любом случае. За опрометчивую связь с коллегой меня поспешно перевели из Лондона на север меньше трех недель назад. Честно говоря, мне хотелось заниматься исключительно ведением порученных дел и поскорее забыть все лондонские неприятности. Я не сомневалась, что сначала мне придется выполнять скучную рутинную работу, но меня решили подключить к расследованию подозрительной смерти. Смерти женщины, чье тело обнаружил в воде мужчина, гулявший с собакой. Погибшая была полностью одета, так что точно не купалась.

«Почти наверняка это окажется самоубийством. Она найдена в Смертельной заводи Бекфорда», – заявил старший инспектор.

Об этом я и спросила инспектора Таунсенда в самом начале:

– Вы считаете, что она прыгнула с обрыва сама?

Он смерил меня оценивающим взглядом и показал на вершину утеса.

– Поднимитесь, – сказал он, – найдите эксперта и узнайте, что им удалось обнаружить. Следы борьбы, кровь, оружие. Хорошо бы найти телефон, потому что при ней его не было.

– Сделаю.

Перед уходом я еще раз бросила взгляд на женщину и подумала, как печально она выглядела – такой будничной и невзрачной.

– Ее зовут Даниэла Эбботт, – пояснил Таунсенд, чуть повысив голос. – Местная жительница. Она писатель и фотограф, причем довольно успешный. У нее есть дочь пятнадцати лет. Вот ответ на ваш вопрос: нет, я не думаю, что она совершила самоубийство.

Мы направились на обрыв вместе. Путь туда лежал через небольшой пляж возле заводи, а потом тропинка уходила вправо в небольшую рощицу, после чего круто забирала вверх на вершину хребта. На отдельных участках поблескивала невысохшая грязь, и было видно, как на ней все скользили, стирая оставленные прежде следы. На обрыве у меня закружилась голова, а к горлу подкатил ком.

– Боже!

Таунсенд оглянулся. Моя реакция, похоже, его позабавила.

– Бойтесь высоты?

– Совершенно естественный страх оступиться и разбиться насмерть, – ответила я. – Вообще-то тут следовало бы установить какое-нибудь ограждение. Тут точно небезопасно, или я не права?

Инспектор промолчал и пошел дальше, опасно приблизившись к краю обрыва. Я старалась держаться поближе к кустам можжевельника, чтобы не смотреть с отвесной скалы вниз на воду.

Бледный лохматый эксперт-криминалист – почему-то они всегда такие – не мог порадовать нас ничем интересным.

– Ни крови, ни оружия, ни очевидных признаков борьбы, – сообщил он, пожимая плечами. – Свежий мусор тоже не дает никаких зацепок. Правда, ее видеокамера сломана. И в ней нет карты памяти.

– Ее камера?

Лохматый повернулся ко мне:

– Представляете? Для работы над своим проектом она установила видеокамеру с датчиком движения.

– Зачем?

Он пожал плечами:

– Чтобы снимать тут людей... или узнать, зачем они сюда поднимаются? Знаете, из-за истории этого места сюда иногда забредают всякие чудики. А может, она хотела снять, как кто-нибудь совершает самоубийство...

Он поморщился.

– Господи! И кто-то вывел из строя камеру? Это... странно.

Он согласно кивнул.

Таунсенд вздохнул и сложил руки на груди.

– Действительно, странно. Хотя может ничего и не означать. Ее оборудование ломали и раньше. Не все местные жители одобряли то, чем она занималась. На самом деле, – он сделал еще пару шагов к краю пропасти, и голова у меня снова закружилась, – я даже не уверен, что она заменила камеру после последней поломки.

Он бросил взгляд на реку.

– Есть ведь еще одна, верно? Она закреплена где-то внизу. Ее осмотрели?

– Да. Похоже, с ней все в порядке. Мы заберем ее, однако...

– На ней ничего не будет.

Лохматый эксперт снова пожал плечами:

– Наверное, там будет снято, как она упала в воду, но это не поможет узнать, что случилось наверху.

С тех пор прошло больше суток, но мы нисколько не продвинулись в расследовании обстоятельств случившегося. Телефон Нел Эбботт так и не нашелся. Если она действительно прыгнула вниз с обрыва по собственной воле, то могла запросто его выкинуть. Если же просто сорвалась и упала, то телефон мог зарыться в ил или его могло унести течением. А если ее толкнули, то тот, кто это сделал, мог сначала отнять у нее телефон, но, поскольку на площадке отсутствовали следы борьбы, такой вариант представлялся маловероятным.

Я отвезла Джулс (она настаивала, чтобы ее называли именно так, а не Джулией) на

опознание в больницу, потом домой и на обратном пути заблудилась. Я высадила ее у Милл-Хаус и думала, что еду в участок, но вскоре поняла, что ошиблась: после моста я почему-то сделала круг и снова оказалась у реки. Как я уже говорила, не важно, в какую сторону здесь сворачивать, все равно выезжаешь к реке. Как бы то ни было, я достала телефон, чтобы посмотреть, где нахожусь, и тут заметила группу девушек, идущих по мосту. От нее отделилась Лина, ростом на голову выше остальных.

Я вылезла из машины и направилась за ней. Я хотела уточнить кое-что, сказанное Джулс, но она уже разговаривала с женщиной лет сорока, причем они явно ссорились. Я увидела, как Лина схватила ее за руку, а женщина отшатнулась и закрыла лицо руками, будто закрываясь от удара. Потом они неожиданно разошлись: Лина пошла налево, а женщина направилась вверх по холму. Я догнала Лину, но та отказалась объяснить, в чем дело. Она говорила, что все в порядке, что они вовсе не ссорились и это вообще не мое дело. Она явно хранилась, но по ее лицу ручьем текли слезы. Я предложила подвезти ее домой, но она велела мне убираться.

Так я и сделала, вернулась в участок и рассказала Таунсенду подробности о формальном опознании Джулс Эбботт тела своей сестры.

Как и следовало ожидать, процедура опознания тоже прошла со странностями.

– Она не плакала, – сообщила я начальнику, и он кивнул, будто подобная реакция в порядке вещей. – Но это не нормально, – настаивала я. – И причина тут совсем не в шоке. Все это очень странно.

Он поерзал в кресле. Сидя за столом в крошечном кабинете, он казался слишком крупным для него: создавалось впечатление, что стоит ему подняться, как он непременно ударится головой о потолок.

– В каком смысле «странно»?

– Трудно объяснить, но она словно разговаривала, не произнося ни слова. И это точно были не беззвучные рыдания. Очень странно. Ее губы шевелились, будто она что-то говорила, с кем-то говорила. Беседовала.

– Но вы ничего не слышали?

– Ничего.

Он бросил взгляд на экран ноутбука, потом снова посмотрел на меня:

– И это все? Она что-нибудь вам сказала? Что-нибудь еще, что-нибудь полезное?

– Она спросила насчет браслета. Насколько я поняла, у Нел имелся браслет, принадлежавший их матери. И она его постоянно носила, во всяком случае, когда они виделись в последний раз много лет назад.

Таунсенд кивнул, потирая запястье.

– Среди ее вещей браслета нет, я проверял. Из украшений на ней было только кольцо.

Он надолго замолчал, и я уже решила, что беседа закончена, и собралась уходить, как вдруг он произнес:

– Надо спросить об этом у Лины.

– Я собиралась, но она не захотела со мной разговаривать, – ответила я и рассказала о случившемся на мосту.

– Опишите, как выглядела та женщина, – попросил он.

Я так и сделала: чуть за сорок, немного полновата, темные волосы, одета в длинный красный жакет, несмотря на жару.

Таунсенд не сводил с меня изучающего взгляда.

– Есть идеи, кто это может быть?

– О да, – сообщил он, глядя на меня, как на неразумного ребенка.

– И кто?

– А вы вообще в курсе событий, имеющих отношение к делу?

– Нет, – покачала головой я.

Мне захотелось напомнить ему, что, будучи местным жителем, именно ему следовало рассказать мне все, что могло оказать помощь в расследовании.

Он вздохнул и принялся что-то набирать на клавиатуре.

– Чтобы ускорить нашу работу, вы должны быть в курсе всего. Вам должны были передать все необходимые материалы. – Он с силой ударил по клавише, будто печатал на обычной пишущей машинке, а не на дорогом ноутбуке. – И еще вам нужно прочитать рукопись Нел Эбботт. – Он хмуро посмотрел на меня. – Проект, над которым она работала. Думаю, что книга планировалась как дорогое подарочное издание. Фотографии Бекфорда и рассказы о нем.

– История города?

Таунсенд резко выдохнул.

– Вроде того. Ее личная трактовка событий. Вполне определенных. Ее... видение их. Как я уже говорил, не всем местным это нравилось. Как бы то ни было, у нас есть экземпляры того, что она успела написать. Констебль передаст вам один из них. Попросите Келли Бьюкен – она в помещении при входе. Дело в том, что один из случаев, описанных в книге, был о Кэти Уиттакер, покончившей с собой в июне. Кэти была близкой подругой Лины Эбботт, а Луиза, ее мать, дружила с Нел. Затем они поссорились, судя по всему из-за того, чем занималась Нел, а когда Кэти умерла...

– Луиза винила в этом ее, – закончила я. – Она считает, что это ее вина.

– Да, – кивнул он.

– Тогда мне надо пойти и поговорить с ней, с этой Луизой.

– Нет, – отрезал он, не сводя глаз с экрана. – Я сам поговорю с ней. Я ее знаю. Мне было поручено вести расследование смерти ее дочери. – Он снова надолго замолчал.

Поскольку он не отпустил меня, я в конце концов заговорила первой:

– А имелись подозрения, что к смерти Кэти кто-то причастен?

Таунсенд покачал головой:

– Никаких. Нам не удалось найти вразумительной причины, толкнувшей ее на самоубийство, но вы не хуже меня знаете, что ее может и не быть. Во всяком случае, понятной тем, кто остался жить. Но она оставила прощальную записку. – Он провел рукой по глазам. – Ужасная трагедия.

– Выходит, в этом году на реке погибли две женщины? – удивилась я. – Две женщины, которые знали друг друга и общались...

Инспектор молчал и не смотрел на меня, я даже не была уверена, что он слушает.

– И сколько там погибло женщин? Я имею в виду, в общей сложности?

– За какой период? – поинтересовался он, снова качая головой. – Как далеко в прошлое вы хотите заглянуть?

Как я уже сказала, все это было чертовски странно.

Джулс

Я всегда тебя немного боялась. Ты это знала, тебе это нравилось, нравилась власть,

которой ты обладала, держа меня в страхе. Думаю, что, несмотря на обстоятельства, сегодняшний день тебя бы порадовал.

Меня попросили опознать твое тело – Лина вызвалась съездить сама, но ей не разрешили, так что мне пришлось согласиться. Потому что больше некому. Несмотря на то что я не хотела тебя видеть, я знала, что должна была это сделать, поскольку увидеть тебя было лучше, чем представлять, – воображаемые ужасы всегда страшнее реальности. И мне надо было тебя увидеть, потому что мы обе знали: я не поверю, не смогу поверить, что тебя больше нет, пока не увижу твое тело собственными глазами.

Ты лежала на каталке в центре холодной комнаты, накрытая светло-зеленой простыней. Там находился молодой человек в медицинском костюме, он кивнул нам с детективом Морган, и та кивнула в ответ. Когда он потянулся, чтобы откинуть простыню, я задержала дыхание. Так страшно мне не было с детства.

Я ждала, что ты на меня набросишься. Но этого не произошло. Ты лежала неподвижно и была очень красивой. Твое лицо всегда отличалось выразительностью, выражая радость или злость, и даже сейчас в его чертах это легко угадывалось. Да, ты осталась прежней и такой же красивой, и потом вдруг до меня дошло: ты прыгнула с обрыва.

Как это – ты прыгнула с обрыва?!

Ты прыгнула с обрыва?!

Этого не может быть! Ты бы ни за что не стала прыгать вниз, если бы хотела покончить с собой. Ты сама мне рассказывала. Говорила, что скала для этого недостаточно высока. От ее вершины до воды всего пятьдесят пять метров, и при падении можно выжить. Говорила, что если действительно ищешь смерти, то делать все надо наверняка. Бросаться головой вниз. Если кто-то окончательно решил расстаться с жизнью, ему надо не прыгать, а нырять.

А если есть сомнения, то зачем вообще об этом думать? Не надо быть размазней, говорила ты. Таких никто не любит.

При падении можно выжить, но можно и погибнуть. В конце концов, вот ты лежишь здесь, и ты не бросилась вниз головой. Ты просто шагнула, ударила о воду ногами, и теперь лежишь мертвая с переломанными конечностями и позвоночником. Что это значит, Нел? Что в последний момент у тебя сдали нервы? (На тебя это совсем не похоже.) Не решилась броситься вниз головой, чтобы не разбить свое красивое лицо? (Ты всегда была очень тщеславной.) У меня просто не укладывалось в голове. На тебя совсем не похоже делать то, чего ты не собиралась, и нарушить свои планы.

(Лина сказала, что в этом нет ничего удивительного, но что она может знать?)

Я взяла тебя за руку, и она показалась мне чужой. Не потому, что была холодной, но я не узнавала ее на ощупь. Когда я в последний раз держала тебя за руку? Наверное, когда ты взяла мою на похоронах мамы? Я помню, как отвернулась от тебя и посмотрела на папу. Я помню выражение твоего лица. (А чего ты ждала?) Сердце у меня окаменело, и его биение стало похожим на скорбный стук барабана.

– Извините, но вам нельзя ее трогать, – произнес кто-то.

Над головой гудели лампы, подчеркивая матовую бледность твоей кожи на фоне стальной каталки. Я приложила большой палец к твоему лбу и провела им по щеке.

– Пожалуйста, не трогайте ее, – повторила стоявшая позади детектив Морган. Я слышала гул ламп и ее ровное и мерное дыхание.

– А где ее вещи? – спросила я. – Одежда, в которой она была, и украшения?

– Их вам вернут, когда криминалисты закончат осмотр, – пояснила детектив.

– А на ней был браслет?

Морган покачала головой:

– Я не знаю, но вам вернут все, что было на ней.

– Браслет обязательно должен быть, – тихо сказала я, глядя на Нел. – Серебряный браслет с застежкой из оникса. Он принадлежал маме, и на нем была гравировка с ее инициалами. С. Д. Сара Джейн. Она носила его постоянно. Сначала мама, потом ты. – Поймав на себе удивленный взгляд детектива, я поправила: – Я хотела сказать «она». Нел носила.

Я снова перевела взгляд на тебя, на тонкое запястье с голубыми прожилками вен, на котором ты всегда носила браслет. Мне снова захотелось до тебя дотронуться, ощутить гладкость твоей кожи. Я была уверена, что могу разбудить тебя. Я прошептала твое имя и ждала, как у тебя дрогнут веки, глаза откроются и уставятся на меня. Я даже подумала, не стоит ли тебя поцеловать, чтобы вернуть к жизни, как Спящую красавицу, и невольно улыбнулась, потому что подобное сравнение наверняка бы тебя разозлило. Ты никогда не была похожей на тихую принцессу, которая терпеливо ждет своего принца, – ты была другой. Ты находилась на стороне темных сил, злой мачехи, колдуньи.

Почувствовав на себе взгляд детектива, я поджала губы, чтобы подавить улыбку. Мои глаза оставались сухими, голос не слушался, и заданный шепотом вопрос беззвучно повис в воздухе:

– Что ты хотела мне рассказать?

Лина

На опознание должны были пустить меня. Это я ее ближайшая родственница, ее семья. Это я ее любила. Это я должна была поехать, но мне не разрешили. Меня оставили одну в пустом доме, где было нечего делать, только курить, пока не кончатся сигареты. Я отправилась за ними в магазин – толстая продавщица иногда просит документ, удостоверяющий личность, но я знала, что сегодня она его спрашивать не будет. При выходе из магазина я увидела, как мне навстречу двигается стайка идиотов из школы: Таня, Элли и другие.

При виде них меня затошнило, и я, опустив голову, отвернулась и быстро зашагала в другую сторону, но они меня заметили, окликнули и бросились догонять. Я не знала, что им от меня нужно. А потом они меня обступили, стали обнимать, говорить, как им жаль, и Элли даже сподобилась выжать из себя пару фальшивых слез. Я позволила им выразить сочувствие, обнимать и гладить меня по голове. Вообще-то чувствовать их прикосновения было даже приятно.

Мы шли по мосту, и они предложили пойти к коттеджу Уордов, принять там «колеса», а потом искупаться. Таня сказала, что «это меня встряхнет и позволит расслабиться». Чертова идиотка! Неужели она и впрямь считала, что мне сегодня есть дело до наркоты и купания? Я размышляла, что им ответить, но тут увидела Луизу и, не говоря ни слова, направилась к ней. Помешать мне они не могли.

Сначала я решила, что она меня не слышит, но, догнав, увидела на ее лице слезы и поняла, что она не хочет меня видеть. Я схватила ее за руку. Не знаю почему, но мне не хотелось, чтобы она ушла, оставив меня с этими чертовыми гиенами с их напускной жалостью. На самом деле случившаяся трагедия была для них всего лишь развлечением. Луиза попыталась освободиться и сказала, разжимая мои пальцы:

– Извини, Лина, мне очень жаль. Но я не могу сейчас с тобой разговаривать. Просто не могу.

Мне хотелось ей напомнить, что она потеряла дочь, а я потеряла мать. Разве это нас не объединяет? Неужели она и сейчас не может меня простить?

Но я промолчала, а потом появилась эта женщина из полиции, которая вообще не в курсе, и стала спрашивать, из-за чего мы ссорились. Я послала ее подальше и пошла домой.

Я думала, что к моему возвращению Джулия уже будет дома. Ну сколько надо времени, чтобы добраться до морга, увидеть, как с лица убирают простыню, и сказать: да, это она? Джулия же не из тех, кому захочется побыть рядом с ней, взять за руку, погладить, как это сделала бы я.

В морг надо было ехать мне, но меня не пустили.

Я не могу даже слушать музыку, потому что теперь все обретает какой-то другой смысл, которого я раньше не замечала, и становится совсем тяжело. Не хочу все время плакать – от этого заболят грудь и горло, а хуже всего то, что никто не придет на помощь. Просто некому прийти. Я лежала на кровати и курила одну сигарету за другой, пока не услышала, как открылась входная дверь.

Она не стала меня звать. Захлопала на кухне дверцами шкафов, загремела кастрюлями и сковородками. Я ждала, что она поднимется ко мне, но в конце концов ждать мне надоело, от сигарет уже тошнило, и, почувствовав сильный голод, я спустилась сама.

Она стояла у плиты и что-то помешивала, потом повернулась и, увидев меня, вздрогнула от неожиданности. Но это был не невольный испуг – на ее лице застыл страх.

– Лина, – сказала она. – Как ты?

– Ты ее видела? – спросила я.

Она кивнула и опустила глаза.

– Она выглядела... нормально.

– Это хорошо. Мне не хочется думать, что она...

– Нет, нет. Она не была... искалечена.

Она повернулась к плите.

– Ты любишь спагетти по-болонски? Я... я как раз их готовлю.

Я их люблю, но признаваться в этом мне не хотелось, и я промолчала. А вместо этого спросила:

– А зачем ты солгала полиции?

Она резко обернулась, роняя на пол капли красного соуса с деревянной ложки.

– Ты о чем, Лина? Я не лгала...

– Лгала! Ты сказала, что давно не говорила с мамой, что вы не общались много лет...

– Так и есть.

Ее лицо и шея стали пунцовыми, а уголки рта опустились вниз, как у клоуна. И я поняла, что имела в виду мама, говоря о ее неприятной внешности.

– Я с ней ни разу толком не разговаривала с тех пор, как...

– Но она тебе постоянно звонила.

– Не постоянно. Изредка. И в любом случае, мы не разговаривали.

– Да, она рассказывала, что ты отказывалась с ней общаться, как бы она ни старалась.

– Все не так просто, как тебе кажется, Лина.

– И в чем тут сложность? – взорвалась я. – В чем?!

Она отвернулась.

– Это ты во всем виновата.

Она положила ложку и сделала пару шагов мне навстречу. Руки она держала на бедрах, а на ее лице появилось выражение, с каким учителя отчитывают учеников за плохое поведение.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она. – В чем я виновата?

– Она хотела с тобой поговорить, ты была ей нужна...

– Я никогда не была ей нужна. Я никогда не была нужна Нел.

– Она была несчастна! – воскликнула я. – Неужели тебе наплевать?

Она отступила на шаг и вытерла лицо, будто я в него плюнула.

– Почему она была несчастна? Я не... Она никогда мне не говорила, что несчастна.

Никогда.

– А что бы ты сделала, если бы она сказала? Ничего! Ты бы ничего не сделала, как не делала никогда. А как ужасно ты с ней обошлась, когда умерла ваша мама, или когда она пригласила тебя навестить нас после переезда сюда, или приехать на мой день рождения, а ты даже не ответила! Ты ее просто не замечала, как будто ее вообще не существовало! Хотя отлично знала, что кроме тебя у нее никого нет...

– У нее была ты, – поправила меня Джулия. – И я понятия не имела, что она была несчастна, я...

– Да, была. Она больше не плавала.

Джулия замерла на месте, повернув голову к окну, будто прислушиваясь к чему-то.

– Что? – спросила она, по-прежнему глядя в сторону. Как будто смотрела на кого-то или на свое отражение. – Что ты сказала?

– Она перестала плавать. Сколько себя помню, она всегда ходила в бассейн или на реку, ходила каждый божий день. Плавание было ее страстью. Даже зимой, в жуткий мороз, когда приходилось разбивать лед, чтобы добраться до воды. А потом она вдруг перестала плавать. Ни с того ни с сего. Вот как несчастна она была!

Джулия продолжала стоять и смотреть в окно, как будто ждала кого-то.

– Лина... ты думаешь, она кого-то обидела? Или ей кто-то угрожал? Или...

Я покачала головой:

– Нет. Она бы мне сказала. Предупредила.

– Ты уверена? – возразила Джулия. – Дело в том, что у Нел... твоей мамы... была одна особенность, верно? Я имею в виду, что она умела задеть людей за живое, вывести их из себя...

– Нет, неправда! – возмутилась я, хотя такое иногда случалось, но только со стороны тех, кто ее не понимал. – Ты совсем ее не знала. Ты просто завистливая мерзавка, как была ею в молодости, так и осталась. Господи! Да о чем с тобой говорить!

Я выскочила из дома, хотя умирала от голода. Лучше голодать, чем сидеть с ней за одним столом, что равно предательству. Я вспоминала, как мама сидела с телефоном в руке, говорила, а в ответ ни слова. Жестокая гадина! Я тогда разозлилась и спросила, почему бы не перестать ей звонить? Почему не выкинуть ее из головы раз и навсегда? Она же явно не хочет иметь с нами ничего общего! А мама ответила, что это ее сестра, единственный родной человек. Тогда я спросила: а как же я? Разве я не родной человек? А мама засмеялась и сказала, что я больше, чем родной человек, я – ее часть.

И вот теперь больше нет части уже меня, а мне даже не разрешили ее увидеть. Не разрешили ни взять ее за руку, ни поцеловать на прощание, ни сказать, как мне жаль.

Джуле

Я не пошла за ней. Мне не хотелось ее возвращать. Я сама не знала, чего хотела. Я просто стояла на ступеньках у входа, зябко потирая плечи, а мои глаза привыкали к сгущавшимся сумеркам.

Но я знала, чего не хотела. Не хотела никаких разборок, не хотела больше ничего слышать. В чем моя вина? Как я могу быть виновата? Если ты была несчастна, то никогда мне об этом не говорила. Если бы сказала, я бы точно выслушала. Я слышу у себя в голове твой смех при этих словах. Ладно, но ты могла мне сказать, что перестала плавать, Нел, и я бы поняла: что-то случилось. Ты сама мне говорила, что плавание было необходимым условием твоей жизни, что без него ты просто разваливалась на куски. Ничто не могло вытащить тебя из воды, как меня в нее затащить.

И все же это случилось. Какая-то причина нашлась.

Я вдруг ощутила дикий голод, неистовое желание немедленно набить желудок. Я вернулась на кухню, положила себе порцию спагетти, потом вторую, а затем и третью. Я ела, и ела, и ела, после чего почувствовала отвращение к себе и пошла наверх.

Не включая свет, я опустилась на колени перед унитазом. От этой процедуры я давно отказалась, но теперь привычные навыки даже успокаивали. В темноте я наклонила голову, вызывая позывы к рвоте, лицо налилось кровью, из глаз потекли слезы, и меня вырвало. Когда в желудке ничего не осталось, я поднялась с колен, спустила воду и умылась, стараясь не встречаться с собой взглядом в зеркале, а смотреть только на отражение ванной позади.

Уже больше двадцати лет я ни разу не погружалась в воду целиком. После того как я едва не утонула, мне вообще было трудно даже умываться. Когда от тела начало пахнуть, мама силой заставила меня встать под душ и держала под ним.

Я закрыла глаза и снова плеснула водой в лицо. Я услышала, как на дороге возле дома притормозил автомобиль, и мое сердце тревожно заколотилось, но тут же успокоилось, стоило машине опять набрать скорость.

– Никто сюда не придет, – громко проговорила я. – Бояться совершенно нечего.

Лина не вернулась, и я понятия не имела, где ее искать в этом городе, вдруг ставшем и знакомым, и чужим. Я легла в постель, но уснуть не могла. Каждый раз, закрывая глаза, я видела твое лицо – бледно-серое с лиловыми губами, – и мне представлялось, что они раздвигаются в улыбке, несмотря на полный крови рот.

– Прекрати, Нел! – снова громко сказала я, будто лишилась рассудка. – Перестань!

Я ждала, что ты ответишь, но слышала только тишину, которую нарушали лишь плеск воды да поскрипывание дома, качавшегося под напором реки. В темноте я нащупала на прикроватной тумбочке телефон и набрала голосовую почту. Электронный голос произнес, что новых сообщений нет и сохранено семь сообщений.

Последнее было оставлено в половине второго ночи прошлого вторника, меньше чем за неделю до твоей смерти.

«Джулия, это я. Пожалуйста, перезвони мне. Пожалуйста, Джулия. Это важно. И как можно скорее, ладно? Я... э-э... это важно. Ладно. Пока».

Я нажала клавишу с цифрой один, чтобы прослушать сообщение еще раз, а потом еще и еще. Я слушала твой голос, а не знакомую хрипотцу с чуть заметным и раздражающим заокеанским акцентом, я слушала тебя. Что ты пыталась мне сказать?

Ты оставила сообщение посреди ночи, и я прослушала его рано утром, повернувшись в

кровати и заметив светящийся экран. Услышав первые три слова «Джулия, это я», я выключила телефон. Я была уставшей, в плохом настроении и не хотела слышать твой голос. Я прослушала сообщение до конца позже. Ничего в нем не показалось мне странным или необычным. Вполне в твоём духе – оставить загадочное сообщение, чтобы возбудить мое любопытство. Ты проделывала это на протяжении многих лет, а потом, когда звонила в следующий раз через месяц или два, выяснялось, что не было никакого кризиса, никаких тайн, никаких особых событий. Просто такая игра. Ведь так?

Я прослушивала сообщение снова и снова и теперь не могла поверить, что не заметила сразу нехарактерную для тебя мягкость речи, нерешительность, то, как у тебя слегка перехватывало дыхание.

Ты боялась.

Чего ты боялась? Кого ты боялась? Местных жителей, которые просто наблюдают со стороны, но не приносят ни соболезнований, ни еды, ни цветов? Судя по всему, Нел, по тебе здесь не особо скорбят. А может, ты боялась своей странной, черствой и колючей дочери, которая не плачет по тебе и утверждает, что ты сама себя убила, хотя у нее нет никаких тому подтверждений.

Я вылезла из кровати и потихоньку прошла к твоей спальне. Меня вдруг охватили те же чувства, что и в детстве. Я так часто делала – осторожно пробиралась сюда, где спали родители, когда мне становилось страшно ночью, когда после твоих рассказов мне снились кошмары. Я толкнула дверь и проскользнула внутрь.

В комнате было душно и тепло, и при виде твоей неубранной постели я вдруг расплакалась.

Я присела на край, взяла твою подушку в хрустящей темно-серой наволочке с кроваво-красной окантовкой и прижала к себе. Перед глазами вдруг ясно возникла картина, как мы с тобой входим сюда в день рождения мамы. Мы приготовили ей завтрак – она тогда уже болела, и мы старались не ссориться. Но перемирия никогда не длились долго: тебя утомлял груз постоянной ответственности за меня, ведь за мной вечно нужно было присматривать. Я забиралась к маме под бок, а ты смотрела, прищурившись, с презрением и болью одновременно.

Я никогда не понимала тебя, но если тогда мы не были близки, то сейчас ты для меня совсем чужая. Я сижу в твоём доме, среди твоих вещей, но дом мне знаком, а ты – нет. Начало разрыву положила та ночь, когда мы были еще подростками – тебе исполнилось семнадцать, а мне тринадцать. Та ночь, как топор, раскалывающий полено, образовала между нами глубокую и широкую трещину.

А спустя шесть лет ты снова подняла топор и на этот раз расколола нашу связь окончательно. Это случилось на поминках. Мы только что похоронили маму и вместе вышли покурить в сад в ту холодную ноябрьскую ночь. Я едва соображала от горя, а ты с завтрака пичкала себя лекарствами и постоянно что-то говорила. Рассказывала о предстоящем путешествии, которое собиралась совершить в Норвегию, чтобы побывать на скале Прекестулен – шестисотметровом утесе над фьордом. Я старалась не слушать, поскольку знала, что это такое, и не хотела обсуждать. Кто-то из друзей отца нас окликнул:

– Девочки, с вами все в порядке? – Язык у него слегка заплетался. – Топите свои печали?

– Топите, топите, топите... – повторила ты.

Ты тоже была навеселе. А потом посмотрела на меня из-под опухших век, и глаза у тебя странно блеснули.

– Джу-у-лия, – обратилась ты, растягивая мое имя, – ты когда-нибудь думаешь об этом?

Ты накрыла мою руку своей, но я ее отдернула.

– О чем «этом»? – Я поднялась со скамейки, не желая больше находиться рядом с тобой.

Мне хотелось остаться одной.

– О той ночи. Ты... когда-нибудь это обсуждала с кем-нибудь?

Я шагнула, намереваясь уйти, но ты схватила меня за руку и сильно сжала.

– Ну же, Джулия... Признайся. Неужели в глубине души тебе не понравилось?

После этого я перестала с тобой разговаривать. И твоя дочь считает, что это я повела себя с тобой «ужасно». Мы по-разному видим одно и то же, разве не так?

Я перестала с тобой разговаривать, но это не мешало тебе мне звонить. Ты оставляла короткие сообщения, в которых рассказывала о своей работе и дочери, полученной премии, хвалебных отзывах. Ты никогда не говорила, где или с кем была, хотя время от времени в трубке я слышала музыку, шум дороги или мужской голос. Иногда я удаляла сообщения, иногда оставляла. Иногда прослушивала их столько раз, что помнила каждое слово и даже годы спустя могла воспроизвести их слово в слово.

Иногда ты говорила загадками, иногда со злостью; ты вспоминала старые обиды и ссоры, протестовала против давних обвинений. Жажда смерти! Однажды, устав от твоих наваждений, я в запале обвинила тебя в одержимости смертью, и как же тебя это задело!

Иногда ты была настроена сентиментально, говорила о нашей маме, о детстве, о тех счастливых временах, что безвозвратно канули в Лету. Были и звонки, сделанные в минуты необычайного подъема и счастья. Ты умоляла меня приехать в Милл-Хаус. «Ну, пожалуйста! Ты будешь в восторге. Пожалуйста, Джулия, пора оставить старые обиды. Не упрямясь. Хватит уже!» Я была в ярости – «Хватит уже!». С какой стати это ты решаешь, что пора наладить наши отношения?

Я хотела лишь, чтобы меня оставили в покое, хотела забыть Бекфорд, забыть тебя. Я живу так, как мне нравится, пусть моя жизнь и не такая яркая, как у тебя, что неудивительно. Но это моя жизнь. Хорошие друзья, серьезные отношения, крошечная квартирка в чудесном пригороде северного Лондона. Работа в социальной сфере, наполняющая жизнь смыслом и приносящая удовлетворение, несмотря на скромную зарплату и длинный рабочий день.

Я хотела, чтобы меня оставили в покое, но ты никак не унималась. Ты звонила пару раз в год, а то и в месяц, и твои звонки выбивали меня из колеи. Что было вполне в твоём духе – взрослая версия тех же игр, в которые ты любила играть в детстве. И все это время я ждала. Ждала того самого звонка, на который смогу ответить. Когда ты объяснишь, почему так себя повела, как могла причинить мне такую боль и не вмешаться, когда меня обидели. В глубине души мне хотелось с тобой поговорить, но не раньше, чем ты извинишься, попросишь прощения. Но извинений так и не последовало, а я по-прежнему продолжаю их ждать.

Я открыла верхний ящик прикроватной тумбочки. В нем лежали чистые видовые открытки – наверное, тех мест, где ты побывала, презервативы, лубрикант, старомодная серебряная зажигалка с выгравированными инициалами «ЛС» на боку. «ЛС». Любовник? Я снова оглядела комнату, и меня поразило, что в доме нет ни одной фотографии с мужчинами. Ни здесь, ни внизу. Даже на картинах были изображены только женщины. В оставленных сообщениях ты рассказывала о работе, доме, Лине, но никогда не упоминала мужчин. Казалось, что мужчины не играли особой роли в твоей жизни.

Но один мужчина все же играл, правда? Когда-то давно один парень был очень для тебя важен. В юности ты часто по ночам выскальзывала из дома через окно кладовки, прыгивала

на берег и потом крадучись пробиралась вдоль дома, перемазавшись грязью до самых коленок. А затем карабкалась вверх по берегу и оказывалась на дороге, где тебя ждал он. Робби.

При мысли о Робби, о вас с Робби, меня охватывала та же дурнота, которую чувствуешь, проскочив горбатый мост на большой скорости. Робби был высоким широкоплечим блондином с неизменной ухмылкой на губах. Он умел смотреть на девушек так, что внутри у них все замирало. Робби Кэннон. Брутальный и наглый альфа-самец, вожак стаи, от которого всегда исходил запах дезодоранта «Линкс» и секса. Ты говорила, что любила его, хотя, думаю, ничего общего с любовью твои чувства не имели. Вы с ним или облизывали друг друга, или оскорбляли последними словами – середины просто не существовало. Между вами никогда не было мира. Я не помню, чтобы вы смеялись. Но я отлично помню, как вы лежали и обнимались на берегу, болтая ногами в воде, а потом он переворачивался и вжимал тебя в песок.

Это воспоминание меня покорило, и мне стало стыдно, а чувства стыда я не испытывала уже давно. Грязного, потаенного стыда вуайериста, смешанного с чем-то еще, что никак не поддавалось пониманию, но я и не хотела понимать. Я старалась выкинуть эту картину из головы, но вместо этого вспомнила, что подглядывала за вами не раз и не два.

Мне вдруг стало не по себе, и я встала с твоей кровати и обошла комнату, рассматривая фотографии. Они были повсюду. Что неудивительно. На комодке снимки в рамках – на них ты загорелая и веселая с дочерью на руках в Токио и Буэнос-Айресе, на горнолыжных курортах и пляжах. На стенах, тоже в рамках, – обложки журналов со снятыми тобой фотографиями, статья на первой полосе «Нью-Йорк таймс», полученные награды. Здесь свидетельства твоего успеха, доказательства того, что ты превзошла меня во всем. В работе, в красоте, в детях. А теперь ты снова меня обошла. Даже в этом победа на твоей стороне.

Один снимок заставил меня остановиться. На нем были сняты вы с Линой – уже не младенцем, а маленькой девочкой лет пяти-шести, может, постарше, – я никогда не умела определять возраст детей. Лина улыбается, показывая крошечные белые зубки, и в ней видно нечто странное, отчего по коже у меня побежали мурашки: ее глаза, черты лица выдают хищника.

Я почувствовала, как на шее у меня забилась жилка, и мною начал овладевать старый страх. Я легла обратно на кровать, стараясь не замечать шума реки, но плеск воды все равно доносился – даже на второй этаж, через закрытые окна. Он упирался в стены, просачивался сквозь трещины в кирпичной кладке, заполнял все пространство. Я чувствовала во рту привкус мутной и грязной воды, и кожа у меня становилась влажной.

Где-то в глубине дома слышался чей-то смех, и он был похож на твой.

Август 1993 года

Джулс

Мама купила мне новый купальник – старомодный, в сине-белую полоску, с «чашечками». Он был призван вызывать ассоциации с 1950-ми, со временами Мэрилин Монро. Будучи толстой и светлокожей, я совсем не походила на Мэрилин Монро, урожденной Нормой Джин, но все равно надела его, потому что мама потратила немало сил, чтобы его отыскать. Найти купальник для девочки моей комплекции было настоящей проблемой.

Поверх купальника я натянула синие шорты и огромную белую футболку. Когда на обед пришла Нел в коротких джинсовых шортиках и бюстгальтере-бикини и увидела меня, то сразу поинтересовалась:

– Ты что, собираешься на реку после обеда?

Ее тон не оставлял сомнений, что она против, но потом, поймав мамин взгляд, она уточнила:

– Я не буду за ней смотреть, ладно? У меня там встреча с друзьями.

– Будь хорошей девочкой, Нел, – попросила мама.

Мама тогда находилась в состоянии ремиссии и была настолько слаба, что ее, казалось, мог сбить с ног порыв ветра, кожа у нее стала желтой, как старая бумага, и папа нам строго-настрого наказал «вести себя прилично».

Под этим подразумевалось, среди прочего, что ты должна брать меня с собой на реку, поэтому выбора у тебя не оставалось. На реку ходили все. Вообще-то других развлечений тут и не было. Бекфорд – не курортный город, в нем нет ни аттракционов, ни залов игровых автоматов, ни даже площадки для мини-гольфа. Только река.

Через несколько летних недель, когда установился новый ритм жизни, когда все определились со своими компаниями и симпатиями, когда местные и приезжие перемешались, завязались дружбы и затеялись вражды, отдельные участки берега облюбовали разные группы. Ребята помладше предпочитали купаться к югу от Милл-Хаус, где течение было медленным и ловилась рыба. Неблагополучная молодежь тусовалась у коттеджа Уордов, где принимала наркотики, занималась сексом, пыталась вызвать злых духов с помощью колдовской доски. (Нел говорила, что если долго вглядываться, то на стенах можно различить следы крови Роберта Уорда.) Но больше всего ребят собиралось у Смертельной заводи. Мальчишки прыгали в воду со скал, девчонки загорали, играла музыка, на мангалах жарили мясо. Кто-то обязательно приносил пиво.

Я бы предпочла никуда не ходить и остаться дома подальше от солнца. Я бы предпочла устроиться на своей кровати и почитать или поиграть с мамой в карты, но я не хотела, чтобы она из-за меня переживала, потому что переживаний ей и так хватало. Я хотела ей показать, что умею общаться и заводить друзей. Что могу быть частью компании.

Я знала, что Нел не хотела, чтобы я ходила на реку. Чем меньше я показывалась на людях, тем было лучше для нее, тем реже ее друзья могли меня видеть – недотепу Джулию, толстую, некрасивую и не крутую, сплошное недоразумение. Она стеснялась меня и всегда ходила со мной, обогнав или отстав на несколько шагов. Однажды, когда мы вместе выходили из магазина, я услышала, как один из местных парней заметил: «Ее наверняка удочерили. Она просто не может быть родной сестрой Нел Эбботт».

Его друзья рассмеялись, а когда я посмотрела на Нел, рассчитывая найти в ней поддержку, то увидела на ее лице только стыд.

В тот день я отправилась на реку одна. Я несла сумку, в которой лежали полотенце с книгой, банка диетической колы и два сникерса на случай, если я проголодаюсь между завтраком и обедом. У меня болели живот и спина. Мне хотелось вернуться в свою уютную маленькую, прохладную и темную комнату, где никого кроме меня не будет. И никто меня не будет видеть.

Друзья Нел уже оказались на месте. Они заняли пляж – маленький песчаный полумесяц возле заводи. Самое лучшее место: берег полого уходил вниз, и можно лежать на песке, держа ноги в воде. Там были три девушки – две местные и одна из Эдинбурга, по имени

Дженни, с чудесной кожей цвета слоновой кости и коротко стриженными темными волосами. Она приехала из Шотландии, но говорила на безупречном английском, и все ребята отчаянно пытались добиться ее расположения, потому что, по слухам, она до сих пор была девственницей.

Все ребята, кроме Робби, конечно, который смотрел только на Нел. Они познакомились два года назад, когда ему исполнилось семнадцать, а ей пятнадцать, и теперь были неразлучны, хотя и позволяли друг другу крутить романы в остальное время года – рассчитывать, что он станет хранить верность Нел в ее отсутствие, было глупо. Робби – высокий, красивый, пользовался успехом, активно занимался спортом и к тому же происходил из богатой семьи.

После встреч с Робби Нел иногда возвращалась с синяками на запястьях и плечах. На мой вопрос, откуда эти синяки, она со смехом отвечала: «А сама как думаешь?» При виде Робби у меня появлялось странное ощущение в животе, и я не могла на него не смотреть, когда он оказывался в поле зрения. Я старалась не смотреть, но ничего не могла с собой поделать. Он это заметил и стал смотреть в ответ. Они с Нел шутили на этот счет, и иногда он тоже на меня пялился, облизывал губы и смеялся.

Мальчишки тоже уже собрались, но столпились на другой стороне. Они купались, забирались на обрыв и сталкивали друг друга в воду, смеясь, ругаясь и обзываясь гомосеками. По установившемуся порядку, девчонки сидели и ждали, пока ребятам не надоест беситься и они не явятся и не начнут лезть к ним с приставаниями, которые те иногда отвергали, а иногда и поощряли. Все, кроме Нел, которая не боялась нырять и намочить волосы, которой нравилось участвовать в этих мальчишечьих разборках и удавалось одновременно быть одной из них и оставаться объектом всеобщего вожделения.

Конечно, я не стала устраиваться рядом с подружками Нел, а расстелила полотенце в тени деревьев и села. Неподалеку от меня расположилась еще одна группа девочек, примерно моего возраста, и среди них я узнала одну, которую видела в предыдущие годы. Она мне улыбнулась, и я улыбнулась в ответ. Я махнула ей рукой, но она отвернулась.

Было жарко. И мне захотелось искупаться. Я представила, какой гладкой и чистой окажется моя кожа, как я буду ступать по мягкому теплему илу, как перевернусь на спину, закрою глаза и сквозь веки начнет сочиться оранжевый свет. Я сняла футболку, но прохладней не стало. Я заметила, что за мной наблюдала Дженни: она наморщила носик и опустила голову, чтобы скрыть отвращение.

Я отвернулась ото всех, легла на правый бок и открыла книгу. Я читала «Тайную историю» Донны Тартт и мечтала быть частью такой же обособленной группы умных друзей-единомышленников. Я нуждалась в человеке, на которого мне хотелось бы равняться, который мог бы меня защитить и вызывал восхищение бы своим умом, а не длинными ногами. Но я знала, что если такие и есть в этом городе или в школе в Лондоне, то они не захотят иметь со мной дело. Я не была глупой, но и не блистала.

А Нел блистала. Она пришла на реку в разгар дня. Я слышала, как она поздоровалась, а мальчишки, курившие, сидя на скалах и свесив ноги, приветственно откликнулись. Обернувшись, я наблюдала, как она, раздевшись, медленно входила в воду, брызгая на себя и наслаждаясь всеобщим вниманием.

Мальчишки стали спускаться с обрыва через заросли. Я перевернулась на живот и опустила голову, уставившись в книгу, но перед глазами все расплывалось. Я жалела, что пришла, мне хотелось незаметно исчезнуть, но незаметно я ничего сделать не могла. В

буквальном смысле. Мое бесформенное белое тело не могло ускользнуть незаметно.

У мальчишек был мяч, и они начали играть в футбол. Я слышала, как они просили дать пас, как мяч залетал в воду и как довольно визжали девчонки, если до них долетали брызги. А потом вдруг почувствовала, как мяч угодил мне в бедро. Все засмеялись. Робби поднял руку и побежал ко мне, чтобы забрать мяч.

– Извини, извини, – говорил он с широкой ухмылкой. – Извини, Джулия, не хотел в тебя попасть.

Он поднял мяч, и я увидела, как он смотрит на красное расплывшееся пятно на моей бледной коже, похожей на охлажденный животный жир. Кто-то крикнул насчет большой мишени: мимо амбарной двери промазать еще можно, а не попасть в такую задницу точно нет.

Я снова уткнулась в книгу. Мяч попал в дерево в паре метров от меня, и кто-то крикнул: «Извини!» Я промолчала. Потом это случилось еще раз, и тут же – еще. Я перевернулась и увидела, что они били мячом по мне. Тренировались на точность. Девчонки катались со смеху, и громче всех веселилась Нел.

Я села, пытаюсь сохранить достоинство.

– Ладно, очень смешно! Хватит, перестаньте! – крикнула я, но кто-то уже целился по новой и ударил по мячу.

Мяч несся прямо на меня. Я подняла руку, чтобы защитить лицо, и мяч с громким шлепком угодил прямо в меня. На глаза навернулись слезы, и я с трудом поднялась. Девочки, те, что помладше, тоже наблюдали за происходящим. Одна из них закрыла рот рукой.

– Перестаньте! – закричала она. – Вы ее поранили. У нее кровь!

Я посмотрела вниз. Нога была измазана кровью, стекавшей по внутренней стороне бедра к коленке. Я сразу поняла, что это не от удара. Спазмы в животе, боли в спине, всю неделю я чувствовала себя несчастнее обычного. Крови было много, она насквозь пропитала шорты. И все на меня глазели. Девочки больше не смеялись, а переглядывались с выражением ужаса и интереса. Я поймала взгляд Нел, но она отвернулась. Я почти ощущала ее отвращение. Она была в шоке. Стыдилась меня. Я быстро натянула футболку, обернула вокруг талии полотенце и неловко заковыляла по тропинке. Я слышала, как мальчишки загоготали мне вслед.

Той ночью я пошла топить. Это случилось позже – гораздо позже, и к тому же я выпила, впервые в жизни попробовав алкоголь. За это время произошли и другие события. Меня разыскал Робби и извинился за свое поведение и поведение друзей. Сказал, что ему ужасно жаль, обнял меня за плечи и заверил, что мне нечего стыдиться.

Но я все равно пошла к Смертельной заводи, и Нел вытащила меня из воды. Подтянула к берегу, заставила подняться и влепила сильную пощечину.

– Ах ты, дрянь! Тупая толстая дура! Ты чего творишь?! Что удумала?!

2015

Среда, 12 августа

Патрик Таунсенд

Коттедж Уордов не принадлежал Уордам почти сотню лет, не принадлежал он и

Патрику, да и вообще казалось, что владельцев у него больше нет. Патрик допускал, что он мог находиться в собственности местного совета, хотя никто и никогда не заявлял на коттедж своих прав. Как бы то ни было, у Патрика имелся от него ключ, позволявший ему чувствовать себя владельцем. Он оплачивал скромные счета за электричество и воду и несколько лет назад сам врезал новый замок, после того как старую дверь вышибли хулиганы. Теперь, когда ключи были только у него и Шона, Патрик следил за тем, чтобы в доме царили чистота и порядок.

Иногда дверь оказывалась незапертой, и, если честно, Патрик и сам не был уверен, что закрывал ее. В последние годы он все чаще замечал, что мысли в его голове путаются, отчего испытывал такой ужас, что отказывался принимать происходящее. Иногда он забывал слова или имена, и, чтобы их вспомнить, ему требовалось много времени. Покой его мыслей нарушали старые воспоминания, всплывавшие в памяти с пугающей яркостью и четкостью. А вокруг этих видений из прошлого сгущались тени.

Каждый день Патрик отправлялся вверх по реке, что стало частью его привычного распорядка дня: подняться пораньше и пройти пять километров вдоль берега к коттеджу, иногда час-другой порыбачить. Правда, в последнее время он делал это все реже. И не потому, что силы уже были не те и к тому же болели ноги – просто ему не хотелось. Его перестали радовать вещи, которые раньше доставляли удовольствие. Но ему по-прежнему нравилось приглядывать за домом, и, когда ноги не подводили, он вполне мог осилить прогулку до коттеджа и обратно за пару часов. Однако сегодня утром он проснулся, чувствуя, что левая икра опухла и ноет, отзываясь в венах тупой болью, похожей на тиканье часов. Он решил поехать на машине.

Патрик вылез из кровати, принял душ, оделся и тут с раздражением вспомнил, что машина стоит в гараже, – он напрочь забыл ее вчера забрать. Недовольно бурча себе под нос, он проковылял через двор, чтобы узнать у невестки, можно ли позаимствовать ее автомобиль.

Жена Шона Хелен мыла на кухне пол. Если бы не лето, ее бы уже не было дома – она работала директором школы и считала для себя обязательным находиться в ней с половины восьмого. Но даже во время каникул она не позволяла себе расслабляться. Праздный образ жизни ей претил.

– С утра уже вся в трудах, – заметил Патрик, входя на кухню, и она улыбнулась.

Из-за морщинок вокруг глаз и проседи в коротко стриженных каштановых волосах она выглядела старше своих тридцати шести лет. Старше, подумал Патрик, и утомленнее, чем следует.

– Не спится, – произнесла она.

– Мне жаль, милая.

– Что тут поделаешь? – Она пожала плечами, поставила швабру в ведро и прислонила ручку к стене. – Сварить тебе кофе, папа?

Она его так называла. Сначала это обращение его смущало, но теперь нравилось – в нем звучала такая искренняя любовь, что на душе у него теплело. Он сказал, что возьмет кофе в термосе, объяснив, что собрался поехать на реку.

– Но ты же не поедешь к заводу? Просто я считаю...

– Нет. Конечно, нет, – ответил он, качая головой, после чего, помолчав, спросил: – Как с этим справляется Шон?

Она снова пожала плечами:

– Ты и сам знаешь. Он ничего не говорит.

Шон и Хелен жили в доме, который некогда занимали Патрик с женой. После ее смерти Шон с Патриком жили в нем вместе. А спустя много лет, когда Шон женился, они перестроили, сделав пригодным для жилья, старый амбар, стоявший через двор, и Патрик переехал в него. Шон возражал, считая, что переехать должны они с Хелен, но Патрик не желал ничего слышать. Он хотел, чтобы они остались жить тут, ему нравилось ощущение преемственности, нравилось, что они втроем образуют маленькую общину, которая живет своей жизнью, не теряя связи с городом.

Добравшись до коттеджа, Патрик сразу увидел, что в нем кто-то побывал. Шторы были задернуты, а входная дверь чуть приоткрыта. Постель оказалась разобрана. На полу стояли стаканы с остатками вина, а в унитазе плавал презерватив. В пепельнице – окурки от самокруток. Он взял один и понюхал – не марихуана ли, – но пахло только холодным пеплом. Были там и другие вещи: отдельные предметы одежды, разный хлам – один синий носок, нитка бус. Патрик все собрал и засунул в пластиковый пакет, снял простыни с кровати, помыл стаканы в раковине, выкинул окурки в мусорное ведро и запер за собой дверь. Он отнес все в машину, бросил простыни на заднее сиденье, мусор убрал в багажник, а мелочовку – в бардачок.

Закрыв машину, Патрик направился к реке и на ходу закурил сигарету. Затянувшись, почувствовал, как заныла нога и сдавило грудь, а горячий дым обжег горло. Он закашлялся: казалось, дым раздрает уставшие почерневшие легкие. Его охватила грусть. Иногда подобное настроение вдруг накатывало на него с такой силой, что ему хотелось, чтобы поскорее наступил конец. Конец всему. Он посмотрел на воду и хмыкнул. Он никогда не относился к тем, кто поддавался слабости и опускал руки, но был достаточно честен, чтобы признаться самому себе в том, что иногда даже ему не был чужд соблазн забвения.

Патрик вернулся домой уже ближе к обеду, когда солнце стояло высоко. Через двор к кустам розмарина под окном кухни лениво шла бездомная кошка, которую подкармливала Хелен. Он заметил, что спина животного словно немного продавлена, а живот раздут. Беременна. С этим придется что-то делать.

Четверг, 13 августа

Эрин

Соседи-дебилы по убогой квартирке, которую я недавно сняла в Ньюкасле, в четыре утра устроили грандиозный скандал, и я решила встать и выйти на пробежку. Я уже собралась уходить, как подумала: зачем делать это здесь, если можно там? Я поехала в Бекфорд, припарковалась возле церкви и отправилась в путь по тропинке вдоль реки.

Поначалу бежать было тяжело. После заводи тропинка забиралась по склону вверх, а по другую сторону холма спускалась вниз, после чего вилась уже по ровной местности – бежать по такой одно удовольствие. Было прохладно, потому что солнце еще не начало припекать, вокруг – живописный пейзаж и никаких велосипедистов, не то что на Риджентс-канал в Лондоне, где приходилось постоянно уворачиваться от них и от туристов.

Через несколько километров вверх по реке долина становится шире, по ней разбросаны пятна пасущихся овец, и она плавно устремляется вдаль, оставляя позади зеленые гряды холмов. Я бежала по ровной каменистой почве, на которой лишь изредка попадались небольшие участки грубой травы да кусты вездесущего дрока. Опустив голову, я бежала

быстро, и примерно через километр заметила небольшой окруженный березами коттедж, стоявший чуть в стороне.

Чтобы отдышаться, я перешла на бег трусцой и повернула в сторону домика – посмотреть, что там. Место было уединенным, и коттедж казался необитаемым, хотя и не заброшенным. Окна чистые, за ними виднелись шторы. Заглянув внутрь, я увидела крошечную гостиную с двумя зелеными креслами и маленьким столиком. Дверь оказалась заперта, и я устроилась на ступеньках в тени и сделала несколько глотков из бутылки с водой. Вытянув ноги и массируя лодыжки, ждала, пока дыхание и пульс не придут в норму. Внизу двери я заметила нацарапанные кем-то слова «Тут жила безумная Энни» и нарисованный рядом маленький череп.

Вороны на деревьях позади меня затеяли спор, но, если не считать их криков и изредка доносившегося блеяния овец, долина была тихой и безмятежной. Я считаю себя городской жительницей до мозга костей, но это место – при всей своей странности – никого не могло оставить равнодушным.

Инспектор Таунсенд собрал совещание в десятом часу. Участников было немного: пара полицейских, помогавших с опросом свидетелей, детектив-констебль Келли, лохматый эксперт-криминалист и я. Таунсенд с коронером заезжали узнать результаты вскрытия, и инспектор нам их кратко изложил. Как и следовало ожидать, в них не было ничего неожиданного. Нел умерла от травм, полученных при падении. В ее легких не было воды – она не утонула, а лишилась жизни еще до того, как попала в воду. Все повреждения получены в результате падения – ни царапин, ни ушибов, позволяющих предположить, что к ее смерти кто-то причастен. В крови найдено приличное содержание алкоголя – она выпила не меньше трех-четырех бокалов.

Келли кратко сообщила результаты опроса свидетелей – правда, и рассказывать-то было особо нечего. Мы знаем, что в воскресенье вечером Нел ненадолго заходила в паб, откуда ушла около семи. Нам известно, что она находилась в Милл-Хаус по меньшей мере до половины одиннадцатого, когда Лина отправилась спать. После этого Нел никто не видел. Никто не сообщил, ссорилась ли она с кем-нибудь в последнее время, хотя все признавали, что ее недолюбливали. Местным не нравилось, что она, будучи здесь чужой, считала себя вправе копаться в истории города. И чем для нее все закончилось?

Лохматый эксперт изучил электронную переписку Нел – она завела специальный ящик, посвященный проекту, и просила направлять ей на него разные истории. Чаще всего туда приходили оскорбления.

– Правда, я бы не сказал, что их поступало больше, чем обычно получают другие женщины по Интернету, – добавил он, виновато пожимая плечами, как будто нес ответственность за каждого женоненавистника в Сети. – Мы, конечно, и дальше будем держать это под контролем, но...

А вот другие новости эксперта определенно представляли интерес. Для начала выяснилось, что Джулс Эбботт лгала: телефон Нел так и не нашли, но распечатка ее звонков показала, что хоть она и пользовалась мобильником не часто, но за последние три месяца звонила сестре одиннадцать раз. Большинство звонков длилось не больше минуты, иногда две или три, все были достаточно короткими, и Джулс на них отвечала.

Ему также удалось установить точное время смерти Нел. Камера, закрепленная на скале внизу, оказалась целой и кое-что зафиксировала. Ничего особенного или достаточно

отчетливого, просто размытое движение в темноте, за которым последовал всплеск. Камера показала, что Нел летела вниз в 2.31 ночи.

Но самое интересное эксперт приберег напоследок.

– Нам удалось найти отпечаток пальца на сломанной камере, – сообщил он. – Он не принадлежит ни одному из тех, кто фигурирует в деле, но разве мы не можем попросить местных прийти на дактилоскопию, чтобы вычеркнуть их имена из общего списка?

Таунсенд медленно кивнул.

– Я знаю, что камеру ломали раньше, – продолжил лохматый эксперт, пожимая плечами, – поэтому вряд ли это даст хорошую зацепку, но...

– Но все равно. Посмотрим, что получится. Этим займетесь вы, – произнес Таунсенд, глядя на меня. – А я поговорю с Джулией Эбботт об этих телефонных звонках. – Он поднялся, сложил руки на груди и опустил голову. – Я хочу вам всем сообщить еще одно, – начал он тихим, почти извиняющимся тоном. – Сегодня утром мне звонили из Управления.

Он тяжело вздохнул, и мы переглянулись. Этого следовало ожидать.

– Учитывая результаты посмертного вскрытия и отсутствие каких-либо вещественных доказательств того, что на обрыве произошла ссора, нам рекомендовано «не тратить силы и средства», – он жестом изобразил кавычки, – на расследование самоубийства или смерти от несчастного случая. Я знаю, что нам еще предстоит немало сделать, но мы должны работать быстро и эффективно. Времени на это у нас немного.

Нельзя сказать, чтобы это меня удивило. Я вспомнила наш разговор с инспектором в тот день, когда меня подключили к расследованию: скорее всего, она прыгнула вниз сама. Самоубийство – вот готовое объяснение, которое напрашивалось сразу, стоит только принять во внимание зловещую историю этого места.

Мне все это не нравилось. Не нравилось, что в течение пары месяцев две женщины, причем знакомые друг с другом, расстались с жизнью в воде. Их многое связывало: место, люди и Лина – лучшая подруга одной и дочь другой. Лина последней видела свою мать живой и утверждала, что это смерть не матери, а тайны, окружавшей ее. Будто она сама этого хотела. Странное утверждение из уст ребенка.

Я поделилась своими сомнениями с инспектором, когда мы вместе выходили из участка. Он смерил меня недовольным взглядом.

– Кто знает, что творится в голове у этой девчонки, – сказал он. – Она будет пытаться найти объяснение. Она...

Он не договорил. Навстречу нам двигалась, шаркая ногами и бормоча себе под нос, какая-то женщина, похожая на состарившуюся представительницу готов: черное пальто, несмотря на жару, в седых волосах пурпурные пряди, на ногтях черный лак.

– Привет, Никки, – поздоровался Шон.

Женщина взглянула на него, потом перевела взгляд из-под нависших бровей на меня.

– Хм, – произнесла она, судя по всему в знак приветствия. – Как успехи?

– Успехи в чем, Никки?

– В поисках того, кто это сделал! – заявила она, брызгая слюной. – Кто ее толкнул!

– Толкнул? – повторила я. – Вы говорите о Даниэле Эбботт? У вас есть информация, которая может быть нам полезна, миссис... э-э?

Смерив меня сердитым взглядом, она повернулась к Шону.

– А это еще что за птица? – поинтересовалась она, тыча пальцем в мою сторону.

– Это сержант уголовной полиции Морган, – терпеливо ответил он. – У тебя есть что

нам рассказать, Никки? Про ту ночь?

Она снова фыркнула.

– Я ничего не видела, – проворчала она, – а если бы и видела, то такие, как вы, все равно не стали бы меня слушать, ведь правда? – Она двинулась дальше по залитой солнцем дороге, все так же шаркая ногами и ворча себе под нос.

– Что, по-вашему, она имела в виду? – спросила я инспектора. – Может, стоит допросить ее официально?

– Я бы не стал воспринимать Никки Сейдж всерьез, – сказал Шон, качая головой. – Ее словам вряд ли можно доверять.

– В самом деле?

– Она выдает себя за медиума, который разговаривает с мертвыми. У нас уже были с ней проблемы: мошенничество и прочее. И еще она утверждает, что является потомком женщины, которую здесь убили охотники на ведьм, – сухо добавил он. – У нее не все дома.

Джулс

Когда раздался звонок в дверь, я была на кухне. Выглянув в окно, я увидела на крыльце инспектора Таунсенда. Лина оказалась у двери первой и открыла.

– Привет, Шон, – сказала она.

Таунсенд вошел, протиснувшись мимо ее худенького тела, наверняка обратив внимание (не мог не обратить) на короткие джинсовые шорты и футболку с логотипом «Роллинг Стоунз» с высунутым языком. Он протянул мне руку, и я пожалала ее. Ладонь у него была сухая, но кожа имела нездоровый цвет, а под глазами темнели сероватые круги. Разглядывая его из-под опущенных век, Лина принялась грызть ноготь.

Я провела его на кухню, Лина последовала за нами. Мы с инспектором устроились за столом, а Лина прислонилась к столешнице. Она скрестила ноги, потом, переступив, скрестила их по новой.

Таунсенд на нее не смотрел. Он покашлял, потер руки и тихо произнес:

– Вскрытие закончено. – Он перевел взгляд на Лину, а потом снова на меня. – Нел погибла при падении. Доказательств того, что там был кто-то еще, нет. В ее крови найден алкоголь. – Его голос стал еще мягче. – В достаточном количестве, чтобы повлиять на координацию. Чтобы она нетвердо держалась на ногах.

Лина громко и прерывисто выдохнула. Детектив смотрел себе на руки, которые теперь положил на стол.

– Но... на этом обрыве Нел не могла потерять равновесие, – возразила я. – И несколько бокалов вина ничего не меняют. Она могла спокойно выпить бутылку...

Он кивнул:

– Возможно. Но в ту ночь там наверху...

– Это не несчастный случай! – вмешалась Лина.

– Она не могла прыгнуть! – осадила ее я.

Лина покосилась на меня, вытянув губы.

– Откуда тебе знать? – спросила она и повернулась к инспектору: – А ты знаешь, что она тебе врала? Врала, что никакого общения с мамой у нее не было. Мама ей звонила, даже не знаю сколько раз. А она не отвечала, никогда не перезванивала, никогда... – Она запнулась и посмотрела на меня. – Она просто... зачем ты вообще приехала? Я не хочу тебя здесь видеть! – Она выскочила из комнаты, хлопнув дверью. Через несколько мгновений так же

громко хлопнула дверь ее спальни.

Мы с инспектором сидели молча. Я ждала, когда он спросит про телефонные звонки, но он ничего не говорил и просто сидел, закрыв глаза, и его лицо не выражало никаких эмоций.

– Вас не удивляет, – не выдержав, нарушила я молчание, – что она уверена, будто Нел поступила так намеренно?

Он повернулся ко мне, слегка наклонив голову набок. Но по-прежнему ничего не произнес.

– А в вашем расследовании есть подозреваемые? Я хочу сказать... похоже, что ее смерть тут вообще никого не волнует.

– А вас? – поинтересовался он.

– Что вы хотите этим сказать?!

Я почувствовала, как мое лицо заливают краска. Я знала, что будет дальше.

– Миссис Эбботт, Джулия.

– Джулс. Меня зовут Джулс. – Я понимала, что отвечать на неприятные вопросы все равно придется, и оттягивала этот момент, как могла.

– Джулс. – Он откашлялся. – Как только что сказала Лина, хотя вы сообщили нам, что не поддерживали контакт с сестрой годами, распечатка звонков с ее мобильного говорит, что за последние три месяца она звонила вам одиннадцать раз.

Мое лицо стало пунцовым от стыда, и я отвернулась.

– Одиннадцать раз. Почему вы нам солгали?

(«Она всегда врет, – пробормотала ты мрачно. – Всегда. Вечно все придумывает».)

– Я не лгала! – заявила я. – Я никогда с ней не разговаривала. Как сказала Лина, она оставляла мне сообщения, но я на них не отвечала. Так что я не лгала, – повторила я. Мой голос звучал заискивающе, и я сама это чувствовала. – Послушайте, вы не можете у меня просить объяснений, потому что постороннему человеку это невозможно объяснить. У нас с Нел были проблемы много лет назад, но к произошедшему это не имеет никакого отношения.

– Откуда вы знаете? – поинтересовался Таунсенд. – Если вы с ней не разговаривали, то откуда вам знать, что явилось причиной?

– Я просто... Вот, – сказала я, протягивая свой мобильник. – Возьмите. Послушайте сами.

У меня дрожали руки, и, когда он забирал телефон, я увидела, что у него тоже.

Он прослушал твое последнее сообщение.

– А почему вы ей не перезвонили? – спросил он, не в силах скрыть разочарования. – Она была явно расстроена, разве не так?

– Нет, я... я не знаю. Обычный звонок в ее стиле. Иногда она была радостной, иногда грустной, иногда злой, нередко навеселе... этот звонок был как все. Вы ее не знали.

– А другие ее звонки? – Его голос стал требовательным. – У вас они сохранились?

Кое-какие я не стала оставлять, но все сохраненные он прослушал, сжимая трубку так сильно, что костяшки его пальцев побелели. Закончив, он вернул телефон.

– Ничего не стирайте. Нам может понадобится прослушать их еще раз.

Отодвинув стул, он поднялся, и я проводила его до прихожей. Возле двери он обернулся и посмотрел на меня.

– Должен признаться, – сказал он, – я удивлен, что вы ей не перезвонили. И не стали выяснять, почему ей было так важно срочно с вами поговорить.

– Я думала, ей просто хотелось внимания, – тихо ответила я, и он отвернулся.

Только закрыв за ним дверь, я вдруг вспомнила и бросилась за ним.

– Инспектор Таунсенд! – окликнула я его. – У Нел был браслет. Еще мамин. Она его носила. Вы его нашли?

Он обернулся и покачал головой:

– Нет, мы его не нашли. Лина сказала сержанту Морган, что Нел часто его носила, но не каждый день. Хотя, – он снова покачал головой, – полагаю, что вам неоткуда было это знать.

Бросив взгляд на дом, он сел в машину и осторожно выехал на дорогу.

Джуле

Выходило, что во всем виновата я. Ты не перестаешь меня поражать, Нел. Ты умерла, может, даже убита, и все показывают пальцем на меня. Хотя меня тут даже не было! Совсем как в детстве, меня захлестнули обида и горечь. Мне хотелось кричать. Как это может быть моей виной?!

После ухода инспектора я вернулась в дом и, бросив в прихожей взгляд на зеркало, увидела в нем тебя – изменившуюся с годами, не такую красивую, но все равно легко узнаваемую. В груди у меня защемило. Я прошла на кухню и расплакалась. Если я тебя подвела, то хочу знать, в чем именно. Может, я тебя и не любила, но я не могу допустить, чтобы все махнули на тебя рукой и не стали ни в чем разбираться. Я хочу знать, кто причинил тебе боль и почему, хочу, чтобы они за это заплатили. Хочу, чтобы не осталось никаких белых пятен, и, может, тогда ты перестанешь шептать мне на ухо, что сделала это «не сама, не сама, не сама». Я тебе верю, хорошо? Скажи, что мне нечего бояться. Что за мной никто не придет. Я хочу быть уверена, что ребенок, о котором я должна позаботиться, действительно невинное дитя, а не тот, кого следует бояться.

Я вспоминала, как Лина смотрела на инспектора Таунсенда, как обращалась к нему по имени (по имени?) и как он смотрел на нее. Интересно, сказала ли она ему правду о браслете? Я в этом сомневаюсь, потому что помню, как сразу после смерти мамы ты забрала браслет себе, сказав, что он будет твоим. Не исключено, что ты так поступила только потому, что знала, как мне хочется его получить. Когда ты нашла его среди маминых вещей и надела на руку, я пожаловалась папе (да, я снова «выдумываю»). Я спросила: «А почему браслет должен быть у нее?» – на что ты ответила: «А почему нет? Я же старшая!» А когда папа ушел, ты надела браслет на руку и любовалась им. Сказала: «Он мне подходит. Правда, он мне в самый раз?» А потом ущипнула меня за мое жирное предплечье и добавила: «Сомневаюсь, что он застегнется на твоей маленькой пухленькой ручке».

Я вытерла глаза. Ты часто меня обижала, жестокость всегда была у тебя в крови. Какие-то издевки – по поводу моей полноты, медлительности, внешности – я оставляла без внимания. Но некоторые – «Ну же, Джулия... Признайся. Неужели в глубине души тебе это не понравилось?» – так сильно меня ранили, что все попытки выкинуть их из головы лишь бередили раны. Эти слова, произнесенные заплетающимся языком в день похорон мамы... да я была готова задушить тебя собственными руками! И если ты была способна так обойтись со мной, вызвать такие чувства у меня, то в ком еще ты могла разбудить желание покончить с тобой раз и навсегда?

Я отправилась в твой кабинет и принялась разбирать бумаги. Начала с разных документов. Из деревянного шкафа с бумагами, стоявшего возле стены, я достала папки, в которых хранились ваши с Линой медицинские карты и свидетельство о рождении Лины с

прочерком в графе «Отец». Конечно, для меня это не явилось неожиданностью – это было одной из твоих тайн, секретом, которым ты ни с кем не делилась. Но неужели и Лина не имела права знать? (Я даже допускала, что ты и сама не знала, что было не очень-то красиво с моей стороны.)

Там были табели успеваемости из бруклинской Школы Монтессори и местной средней школы в Бекфорде, счета за ремонтные работы по дому, полис страхования жизни (оформленный в пользу Лины), выписки с банковских и инвестиционных счетов. Самые обычные документы, которые хранят благополучные семьи, не имеющие никаких тайн и скелетов в шкафу.

В нижних ящиках лежали материалы по твоему «проекту»: коробки со снимками, листы рукописи, на каких-то текст напечатан, остальные исписаны твоим паучьим почерком синими и зелеными чернилами. Отдельные слова зачеркнуты, другие написаны печатными буквами и подчеркнуты, придавая тексту вид набросков готовящегося заговора. Сумасшедшая. В отличие от папок с деловыми бумагами, тут царил полный хаос, все было свалено в кучу и перемешано. Как будто в них кто-то рылся, пытаясь что-то отыскать. Мне стало не по себе, по коже побежали мурашки. Понятно, что их просматривали полицейские. Они забрали твой компьютер, но наверняка тут тоже копались. Не исключено, что искали предсмертную записку.

Я просмотрела фотографии из первой коробки. На большинстве из них были сняты заводь, скалы и маленькая полоска песчаного пляжа. Кое-где по границам изображения виднелись твои пометки, но понять их смысл я не могла. Там имелись и снимки Бекфорда, его улиц и домов – красивых старых каменных и новых уродливых. Один дом с грязными занавесками – обычное многоквартирное строение начала двадцатого века – был снят с самых разных ракурсов. На других фотографиях были запечатлены городской центр, мост, паб, церковь, кладбище. Могила Либби Ситон.

Бедная Либби. В детстве ты была буквально одержима ею. Я ненавидела историю о ней из-за жестокости и плохого конца, но ты просила рассказать ее снова и снова. Ты хотела слышать, как Либби, еще совсем ребенка, притащили к реке и обвинили в колдовстве. Я спрашивала маму, за что, и она объясняла, что Либби с бабушкой разбирались в травах и кореньях. Они умели готовить лекарства. Мне такая причина казалась глупой, но во взрослых историях полно бессмысленной жестокости: маленьких детей не пускали в школу из-за цвета кожи; людей избивали или убивали за то, что они молились неправильным богам. Позже ты рассказала мне, что причиной были вовсе не лекарства, а то, что Либби соблазнила (ты объяснила значение этого слова) мужчину старше себя и заставила его бросить жену и ребенка. Такой поступок вовсе не принижал ее в твоих глазах – напротив, он показывал ее власть.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Пер. с англ. А. Анваера. – *Здесь и далее примеч. пер.*